

Невеста из ниоткуда

Автор:

[Андрей Посняков](#)

Невеста из ниоткуда

Андрей Анатольевич Посняков

Женька Летякина – студентка, спортсменка, красавица... и просто девушка решительная. Поэтому, когда пришлось спасаться бегством от злоумышленников, она, недолго думая, прочитала заклинание «на отворение Врат», которому ее научила бабушка-колдунья, и оказалась... в 964 году от Рождества Христова. Как раз в это время верховный правитель племени весь Миронег отправил в Киев свою дочь Малинду – замуж за князя Святослава. Отправить-то отправил, вот только не уберегли невесту княжьи люди, сгинула девица, утонула... А тут им, как снег на голову, Женька. Пришлось воеводе Довмыслу срочно рядить бывшую студентку в княжью невесту. Правда, «невестушка» оказалась строптива да еще колдовским даром не обижена. Попробуй управься с такой...

Андрей Посняков

Невеста из ниоткуда

© Посняков А., 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1. Начало мая. Крутогорский район. Погоня

Затаив дыхание, Женька закусил губы, стараясь не выдать себя ни единым шорохом, ни даже вздохом. Снаружи у избы кто-то ходил. Поди, искали уже... с-сволочи! Могут и по избам пошарить... если не в лом.

Девушка осторожно выглянула в окошко... Трое! Те самые парни, что следили за нею в лесу. За нею и ее сотоварищами, Колькой и Гришкой Сумой. Теперь-то ясно – никакие это не туристы, не рыбаки – охранники, а вернее сказать – бандиты. На хозяина здешних делянок работали, лес охраняли. Чтоб вор у вора дубинку не украл! В смысле – чтоб ни один чужой лесовоз сюда ни въехал, ни выехал. А Женька и не собиралась на лесовозе чужой лес красть. Просто придумала, как в старые, советские еще времена – по реке, по большой воде, сплавить. Как раз к пилораме-то бревна и приплыли бы – красота! Никакого лесовоза не надо, и...

Чу! Вот снова шаги, голоса... Ага – к околице подалися, вражины... Кажись, ушли... Теперь немножко выждать да поискать парней, одноклассников, кои как раз для дела и приглашены были... Тракторист, вальщик – не самой же Женьке тяжелой мужской работой заниматься. Хоть и первый разряд по туризму, а все ж – не девичье это дело, деревья валить, да и лесосплав – не девичье.

Колька Смирнов по кличке Смирненький ей и раньше нравился, в школе еще. После девятого он в ПТУ ушел, как раз на тракториста, водителя... Подбить его на авантюру удалось довольно легко: лес решили взять в заброшенной деревне, где когда-то давно жила ее, Женькина, бабушка. Напилить да подтащить к плесу – трелевочник в деревне, насколько помнила девчонка, имелся, пусть старый, но на ходу, осталось только залить солярку и бензина – для пускача.

Сказано – сделано! Женька всегда была девушкой решительной во всех отношениях: и с парнями, и просто – по жизни. Даже, пожалуй, решительной слишком... может, от того и все ее несчастья и беды? К примеру, сегодня вот.

Эх, Тяка, Тяка... Тяка – это от фамилии – Летякина – так ее свои – и не только свои – звали, Женька не обижалась.

ТЬфу ты! Нить-то зачем – вроде бы обошлось все...

Проводив глазами чужих парней, ушедших к лесу, девушка невзначай глянула в криво висевшее на стене старое зеркало в черной раме, затянутое паутиной, с трещиной. Глянула и неожиданно для себя улыбнулась. Из зеркала смотрела на нее красивая и юная синеглазая нимфа.

Девушка потянулась, провела ладонями по бокам... А ведь не уродина, слава богу! И фигуркою удалась – стройненькая, не какая-нибудь там коровища, и лицо... да все к месту, разве что грудь маловата... так далеко не все мужики от арбузищ силиконовых млеют. Грудь – да... Зато все остальное. Локоны темные, ресницы пышные, синие глаза. А если еще и вот этак, чуть исподлобья, взглянуть – да кто ж устоит-то? Даже вот тот... Одноногий Майк. Нет – просто Михаил, Миша. А что? Красота – страшная сила.

Бросив Колькину машину, до нужного места добрались довольно быстро – на байдарках. Деревня называлась Выдь-озеро, как и одноименный водоем, неширокий, но вытянутый в длину километров на пять, не меньше, из которого и вытекала бурая речка Выдь. С полдесятка заброшенных, полуразвалившихся изб, да две сожженных – и кому только нужно было их жечь? Верно, по пьяни, не иначе.

Тяка прищурила глаза: на самой круче, у леса, высилась знакомая с детства изба – бабушкина. Покосившаяся от времени, но вполне еще крепкая, с невысоким крыльцом и крытой серебристою дранкою крышей. Там, если что, и заночевать можно было.

Взобравшись на крыльцо, Женька с волнением толкнула дверь и, быстро миновав сени, оказалась в избе – печь с чугунками и прислоненным ухватом, пыльные домотканые половики, стол, самодельный комод с остатками посуды. Девушка, честно говоря, утомилась, хоть и шла-то с небольшим грузом. Парни тащили пилы и канистры, она же – продукты да водку, не так и много набралось, чай, не зимовать собрались. И все же к концу пути лямки-то плечи натерли.

Оставив рюкзаки в избе, пошли на околицу, мимо колодца с давно упавшим «журавлем», мимо ржавевшей рядом бороны и какой-то сеялки-веялки. Там же, за кустами, стоял и трелевочник, старенький ТДТ-55, рядом с которым на глинистой вязкой почве виднелись чьи-то следы, огромные и, такое впечатление, босые, что ли...

Колька со смехом забрался в кабину, потом вылез, полазал вокруг, поглядел... и со скорбным вздохом развел руками:

- А пускача-то и нет! Видать, сперли.

- Как нет? - захлопала глазами Женька. - Был же! При мне ж этот трелевочник ездил, лет пять назад... нет, семь...

- Семь, блин! - Сума тихо выругался. - Так, блин, и знал, что зря сюда тащимся. Главное, пилы еще тащили, солярку... вот дураки-то! Вот и следы...

- Это медведь ходил, - поежилась Тяка. Господи... медведя еще не хватало!

- Да при чем тут медведь? Мы из-за тебя...

- Тихо, тихо! - прикрикнув на своего дружка, Смирненький задумчиво посмотрел на девчонку. - А где река-то? Покажи. Ее-то, наверное, не сперли.

Реку не сперли, как текла себе, так и текла - бурная, дикая, с синей и холодной даже на вид, с закрутками грязновато-белой пены водою.

- Вот река, - стоя на крутом берегу, тихо промолвила Женька. - А вон - лес.

- Лес... - Колька вдруг рассмеялся, весело и громко. - Эй! А зачем нам трелевочник-то? Вон сосны-то, на самой круче растут - знай, пили да вали в воду. А, Сума?

- Хороший лес, - улыбнулся качок, со знанием дела осматривая высоченные сосны. - Сортимент! Река рядом - скинем! Если что, слегами скатим, недалеко тут. Эх, Тяка, зря мы солярку тащили! Ну, что, Колька? Попилим уже? Что-то сегодня, что-то завтра - чего зря-то сидеть?

- Верно говорит! - Смирненький взял девчонку за руку. - Ну, че ты, Женька? Видишь, как хорошо все, удачно.

– А точно получится? – недоверчиво спросила Летякина.

– Точно! Уж ты нам поверь – теперь мы командиры.

Поплевав на руки, парни принялись за работу сноровисто и быстро, часа за три скинув в реку примерно с пол-«Урала». Женька только диву давалась, насколько умело действовали ребята, как подходили к дереву, ловко делали запил, пилили, укладывали над самою кручей и, опилив сучья, сталкивали стволы вниз, в реку.

Только брызги летели по сторонам разноцветною радугой! Ловки и проворны были парни в своем труде, и от этого так красивы, что Тяка невольно залюбовалась обоими – как спорилось в умелых руках столь непростое и тяжелое дело.

Еще один ствол покатился в реку... поплыл... И снова застрекотали пилы.

Вообще-то, если по уму, не наспех – плоты б сколотить, скрепить спиленные лесины скобами. Да вот некогда нынче, Женька надеялась, что и так никуда бревна не денутся, течением к плесу прибьет.

Трудились так увлеченно, что не заметили, как на излучине реки показалась легкая казанка с мотором. Сидевший на корме рулевой – седоватый дядька в ватнике и надвинутой на глаза кепке – повернул моторку к берегу и, заглушив двигатель, настороженно поднял руку:

– О! Слышите? Я ж говорю – пилят.

Четверо угрюмых парней, сидевших в лодке, разом кивнули.

Осторожно на веслах парни подгрести к берегу да, высадившись в камышах, привязали в ивняке казанку. Поднявшись на кручу первым, седой достал из котомки бинокль.

– Ну, что там, Петрович? – нетерпеливо спросил один из парней. – Много их?

– Пока только двоих вижу... пильщики, твою мать. – Седой плавно поводит биноклем и хмыкнул. – Ого! И девка какая-то с ними.

– Что за девка, Петрович? Хоть симпатичная?

– Натe, глядите. Да не на девку – других высматривайте. Что-то не верится, что всего трое их.

На «девку» парни откровенно облизывались, то и дело поглядывая на Петровича. А тот молчал, думал...

С «ворюгами» решили разобраться по-свойски, в полицию ни о чем не сообщать. Как следует отдубасить, да в землю. Мало ли народу в тайге пропадало? Что ж касается девки, то с ней сначала – ясно что...

Улетело в воду очередное дерево. Пильщики уселись на другой ствол, вытерли пот. Колька достал сигареты.

– Угостишь? – присела рядом Тяка. – А то мои отсырели.

– Портсигар надо иметь. – Смирненький вальяжно щелкнул крышкой. – Тогда ничего сыреть не будет. Курите, мадмазель, угощайтесь.

– Там, в ельнике, голоса, – выпустив дым, негромко сообщила Женька. – И что-то сверкало, думаю – бинокль. Нет, нет! Не смотрите... делайте вид, будто ничего не произошло.

– Слышь, Тяка, а тебе не показалось, а?

– Не показалось! Что я, дура, что ли, или глухая? Не верите, так сами потом проверьте... А пока – уходим. Пилы лучше не брать – чтоб видны были, чтоб думали, что придем...

Сума при этих словах дернулся:

– Чтоб я пилу каким-то уродам оставил? Да ни в жисть!

– Тихо ты! – почесав небритый подбородок, сверкнул глазами Колька. – Женька права. Если за нами следят – с пилами не уйдем, точно.

Сумкин умоляюще сложил руки:

– Так хоть припрчем, а потом, недельки через две, вернемся и заберем. Ну, жалко же!

Не забрали! Не вышло ничего. Не удалось – нарвались!

Тяка едва не споткнулась, огибая болото, – никто за ней еще вот так, всерьез, не гнался, не загоняли, словно боровую дичь, не орали – слева заходи, слева! Парней своих она потеряла из виду почти сразу да нарочно за ними не побежала – лучше уж так, врассыпную, а уж потом встретиться на мысу, как условились. Лишь бы не поймали сейчас. Убежать бы... До леса добраться, а там... Темнеет уже – век не сыщут, собак-то у них – нету!

Свернув с рыбацкой тропы, Женька нырнула в ельник, но ходу почти не сбавила, бежала умело, все ж таки – ориентировщица, спортсменка, опыт имелся. Преследователи быстро отстали – крики слышались куда как левей, за оврагом. Правда, и девчонка бежать уже не могла – хоть небо над головой еще алело вечерней зарею, однако в лесу-то уже стало темно, того и гляди переломаешь ноги.

Ничего! Зачем куда-то бежать, коли и здесь не сыщут? Пересидеть, лапником укрыться, а потом, как успокоятся все, – к мысу. Лишь бы парней не взяли! Черт, надо было с ними бежать, присмотрела бы, посоветовала б чего. Сидели б сейчас здесь вместе, над незадачливой погоней смеялись бы. Э, да что уж теперь говорить! Ребятки-то ломанулись, как лоси, позабыли и про Женьку совсем. Даже Колька – забыл... а ведь ночью... Да все они, мужики, такие! И все же, все же...

Девчонка неожиданно для себя улыбнулась, вспомнив, как читала над водкой заклятье – «дабы не понести». Да она из той тетрадки все бабушкины заговоры-наговоры наизусть выучила уже... не специально, нет, так как-то само собой вышло, память-то отличная, все ж – иняз!

А залятье было интересное... и не одно...

От покойной бабушки своей, Лукерьи Яковлевны, или, по-деревенски – бабы Лукерьи, досталось Женьке небольшое, но довольно оригинальное наследство. Баба Лукерья в бытность свою считалась среди деревенских... не то чтобы колдуньей, но одной из тех, кого городские жители опасливо называют «бабки», вкладывая в это словно особый первобытно-сакральный смысл. Не чистые ведьмы, но что-то вроде – заговоры-наговоры знают, и все такое. Вот и Женькина бабуся – царствие ей небесное! – знала. Мало того, незадолго до смерти дочке своей – для внучки единственной – передала, аккуратно записав все залятья – немного их и было-то – в тоненькую ученическую тетрадь в косую клетку. Кстати, одно из залятьей – «во языцех ведати» – Женька наизусть выучила и перед каждым экзаменом повторяла... кто знает, может, от того-то и языки ей так легко давались?

Остальные бабусины наговоры-заговоры – какие-то непонятные «на росную бугульму», «на пятницу» и «на отворение врат» – оказались, в общем-то, бесполезными. Все. Кроме одного – «дабы не понести».

Женька все ж не зря умной в школе считалась, хоть особенно-то свой ум и не выказывала, стеснялась малость, но тут-то смекнула сразу – «дабы не понести» – «чтобы не забеременеть» означало!

Конечно, особенно-то верить залятью этому девушка опасалась, хотя перед тем, как с кем-нибудь того – а дело-то молодое, чего уж! – его и бормотала, но и от противозачаточных средств не отказывалась – вдруг, да что? Ну, пока бог миловал – не залетела, «не понесла»... да в последнее время и не от кого было – с дружкой прежним поссорились-расстались, а нового бойфренда что-то не появилось пока. Появится, будет ежели что-то серьезное – тогда и можно залятье опробовать, а пока...

А пока бежать надо, блин! Уносить ноги, а не о залятьях думать. И к чему б они вдруг вспомнились-то? От страха, наверное.

Опа! Что-то такое тут стало не так... Услышав невдалеке, у оврага, грозное глухое ворчание, Женька остро почувствовала опасность, тут же вспомнив про свежие следы у трелевочника.

Медведь!!!

Только что очнувшийся после зимней спячки, выбравшийся из берлоги, голодный, злой. Да-а... этот хитрый, коварный и чрезвычайно опасный зверь не имел ничего общего с добродушными топтыгинными, «мишками» из милых детских сказок. Безжалостный кровожадный хищник, зверь-убийца, при нужде не брезгующий питаться и своими сородичами.

Вот снова зарычал – видать, недоволен чем-то. Обычно он ломает человеку шею, затем сразу не жрет, заваливает труп ветками – чтоб подгнил малость. Гурман – мясо с душком любит. Самое страшное, что спастись-то от этого жуткого монстра в лесу нельзя – он и по деревьям лазить умеет, и бегаёт километров сорок в час, как колесный трактор. Единственное, что можно, – напугать. Ежели лицом к лицу столкнуться – в ладоши хлопнуть, заорать что есть мочи. Тогда, может, испугается, уйдёт... но это – на крайний случай. Может ведь и не испугаться, смотря какой по характеру попадет, медведи ведь, как люди, – разные.

Снова послышалось урчанье, как показалось Женьке – уже гораздо ближе. А вот погони что-то было не слышно, то ли подались совсем в другую сторону, то ли вообще свернули все, услышав медведя. Плохо! Становиться чьей-то добычей девчонке вовсе не улыбалось, а к тому, похоже, все и шло, тут Тяка – человек, в общем-то, деревенский – особых иллюзий не питала, много чего слыхала от бывалых охотников, да и друзья-туристы рассказывали.

Укрыться от лесного зверя можно было только в одном месте – в деревне, в какой-нибудь более-менее целой избе, желательно с крепким засовом. Такой, как у бабушки... туда и идти, немедленно, как можно скорее!

Так Женька решила, так сделала – пошла, холодея от ужаса. Все казалось, будто ужасный зверь-людоед, прикормленный человеческим мясом, неслышно ступая когтистыми лапами, преследует ее по пятам, вот-вот догонит, набросится... Впрочем, нет, не набросится, чего ему набрасываться-то, чай, не волк! Просто нагонит, ударит лапой... и все.

– Господи, пронеси... Пронеси, Боже!

Не особенно-то и верила в Господа Женька... нет, верила, конечно, но воцерквленным человеком напрочь не была, все ее отношения с Богом, как и у подавляющего большинства россиян, сводились к редким посещениям церкви да к крашенью пасхальных яиц.

Но тут вот проняло! Молиться стала... и даже пожалела, что среди бабусиных наговоров не было ничего «от медведя». Жаль!

Впрочем, Господь нынче отнесся к нерадивой дочери своей милостиво – пронесло, до бабкиной избы Тяка все же добралась целой и невредимой. Никакой медведь ее по пути не сожрал, даже не гнался, хотя ворчал, казалось, совсем-совсем рядом!

Захлопнув за собой дверь, Женька сунула в скобы засов и, войдя в горницу, наконец-то перевела дух. Обошлось, слава богу! Вот теперь и пересидеть до рассвета, поспать даже можно... нужно даже... Раз уж ушли...

Девушка задремала, а проснулась от чьих-то голосов! Кто-то шастал снаружи около избы, разговаривал. Вот в разбитое окно потянуло табаком – курили. А вот мазнул по стенам узкий желтый луч. Фонарь!

Екнуло сердце. Вернулись, сволочуги! Вернулись.

– Ну что? Еще одну избу проверим, да до утра перекур.

– Да уж. Заколебало уже по ночам в лесу бегать. Говорил же, надо было сразу проверять. А теперь... Этак недолго и ноги переломать – лечись потом. Не знаю, как вы, парни, а я на такое не подписывался.

– Это ты Петровичу расскажи... Они уж должны бы подойти.

– Может, поймали уже кого?

- Может...

Судя по голосам, по теням на фоне блеклого светлого неба, снаружи было трое. И они собирались – явно собирались – проверить вот эту избу, в которой пряталась сейчас Женька.

Черт! А дверь-то на засове! Сразу поймут...

Девчонка дернулась было, но поняла, что уже поздно.

- Не открывается!

- Давайте в окна.

В окна! Вот ведь блин. Об этом-то Женька не подумала... и куда ж теперь было деваться – на чердак или в подвал...

Звякнуло выбитое стекло. На чердак уже было некогда, оставался подвал.

Прихватив рюкзак, Женька проворно распахнула крышку, юркнув в сырую темноту подполья, да там и затаилась, спряталась... лишь старые доски глухо стукнули над головой. Как в гробу, блин... Тьфу ты, ну и мысли!

Достав из кармана рюкзака фонарик, девушка посветила по сторонам, внимательно разглядывая полки с какими-то корзинками, картофельными ящиками и старыми – уж бог весть, сколько им было лет – банками, всякими там соленьями-вареньями. Все это нисколько Тяку не волновало, ее сейчас интересовало одно – оконце, лаз, ведь где-то оно должно было быть, должно...

Однако не было. Вместо оконца в другом конце подвала в желтом луче фонаря тускло сверкнула дверь. Именно что сверкнула, словно была окована железом. Подбежав, Женька протянула руку – действительно, окована! Только вот не открывается ни в какую. Никак.

Услыхав над головой голоса и противный скрип половиц, девушка поспешно погасила фонарик, опасаясь, как бы свет не видали сквозь небольшой лаз для кошки, пропиленный в полу, у крышки подвала, как и было положено во всех

деревенских домах.

Господи... раз есть дверь, так ведь должна же она как-нибудь открываться, не может же быть, чтоб вообще никак – иначе зачем вообще здесь дверь? А ведет она... так, судя по всему, в хлев же и ведет, вот ведь здорово! Открыть бы – и поминай, как звали, ищите-свищите!

– Господи, господи... ну, открывайся же! Ну... Может, наговор еще прочитать? Так ведь было «на открывание ворот»... нет, не так – «на отворение врат». Да, так. Именно! Вдруг да поможет... Как там, блин?

«Во семи гласы Стрибожьи да Семаргловым бо внусям...»

Торопливо пробормотав заклятье, девушка грозно ударила в дверь кулаком, прикрикнув:

– Отворись! Отворись! Отворись!

– Надо б подвал проверить, – сказали сверху.

Крышка подполья откинулась, и по глазам Женьки мазнул яркий безжалостный луч!

– Ха! Да вон же чикса-то! У-тю-тю, попалась, птичка!

– Отворись!!!

Девчонка изо всех сил пихнула дверь руками... и та вдруг неожиданно легко поддалась, настолько легко, что Женька не удержалась на ногах, проваливаясь в темноту, падая куда-то с какой-то непонятно как оказавшейся здесь кручи.

Глава 2. Май. Где-то под Крутогорском. Первое потрясение Женьки

Оказавшись в холодной воде, Женька машинально заработала руками, живенько избавившись от рюкзака, вынырнула, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Да-а, хорошо бы – на берег-то, только вот где он... и вообще...

Господи, холодно-то как! Темно... сверху дождь какой-то противный, мелкий... Это куда же она провалилась-то? Ой... бли-и-ин...

От холоднющей воды свело судорогой ноги, Женька еще сильнее заработала руками, чувствуя, как ее неудержимо тянет вниз, в глубину...

- Руцы, руцы давай, дева! – закричали откуда-то сверху... с берега?

- Тимота, ныряй! Ныряй, грю, коровья башка. Утопнет!

Кто-то бросился в воду совсем рядом, поплыл... схватил Женьку за волосы, вытащил, отбирая у смертоносного омута, заорал:

- Эй, помогайте, ага!

- Сюды, сюды плыви... Посейчас, посейчас... Путятко! Почто стоишь, пень трухлявый?

Второй тоже нырнул... Нет, скорей, просто вошел в воду, подхватил Женьку на руки, понес...

На берегу – несостоявшаяся утопленница только сейчас заметила – жарко горел костерок, вокруг бегали-суетились какие-то парни числом в полдесятка. Женьку быстро раздели – странно, но она почему-то совсем не стеснялась, наверное, не до девичьего стыда было, да и раздели-то не совсем – трусики да лифчик оставили, что-то изумленно сказав, завернули в какое-то покрывало, усадили к костру, протянули деревянную (!) кружку:

- На-ко, дщерь, сбитню хлебни. Пей, пей... О-от, славно.

Странный оказался напиток – пахучий, горячий, сильно пахнувший медом и травами и довольно приятный на вкус. А как от него тянуло в сон! Прямо снотворное.

– Глянь-ко, совсем скукожилась дева!

– Пущай поспит. Едва ведь не утопла, эх, бедолага. Путятко, в шатер ее отведи.

– Сделаю.

Широкоплечий парень в длинной, почти до колен, рубахе с узким пояском отвел Тяку в большую палатку, разбитую невдалеке, меж двумя березами. Внутри оказалось довольно просторно, сухо и мягко, правда, никакие спальные мешки не обнаружались, «пенки» тоже не было, а были... какие-то шкуры, что ли. А ведь и впрямь – шкуры. Интересно, что это за парни? Да кто бы ни были – уж точно не те, что остались в избе... Что же, выходит, там, под хлевом, ручей, что ли? Похоже, что так и есть...

Впрочем, особенно-то Женька сейчас ни над чем не задумывалась, неохота было, мысли расслабились, да и все тело млело, словно в неге. Еще бы – после холодной-то водицы да в тепло!

Расслабилась Женька, уснула, но спала, как все бывалые туристы, чутко и проснулась от громких криков.

– Хей-гэй! Довмысл со людищи идяху!

– Ох, возвернулся бо!

– Эй, эй, довымыслы! Как у вас? Княжну отыскали?

– Отыскали. В реке едва выловили...

– Хм... и мы выловили...

– Мы – мертвую.

- А мы - живую!

- Чего-чего?

- Родом с роженицами клянусь! И Велесом. Вона дева, в шатре спит, сами гляньте!

- Х-хэ... Надобно дядьке Довмыслу сказать!

Вот такой вот произошел разговор. Частью понятный, частью нет. Княжны какие-то, роженицы... чушь собачья.

- Говорите, живая?!

Услыхав грубый повелительный голос и чьи-то быстро приближающиеся к шатру шаги, Женька притворилась спящей. Не-ет, спешить не надобно, лучше уж полежать... вдруг да еще чего подслушать удастся? Парни они какие-то странноватые, говорят не совсем понятно... Кстати, наговор можно прочесть! Тот самый, «во языцех...»

- Те бо в языцех ведати... - живо зашептала Женька...

Успела. Как раз до того, как кто-то откинул полог. Дернулся рыжий свет - светили, похоже, факелом.

Кто-то осторожно стащил с девушки покрывало... нет, то все же был какой-то старинного покроя плащ.

Секунд пять заглянувшие просто молчали, а потом кто-то громко сказал:

- Х-хо! Не она, тако.

- Да ить, дядько Довмысл, глянь - уж больно похожа. Вот мы и подумали - княжна. Да и кому еще тут тонуть-то? Ведь токмо первая лодья...

– Лодья, лодья... – в голосе «дядьки Довмысла» слышались явные угрожающе-презрительные нотки. – Кто гнал? Кто сказал, мол, по высокой воде славно идти? Вялко все, муж весянский. А я ведь предупреждал – не спешить. Угодили в пороги – вот оно и вышло славно. Сами не все упаслись, а главное – княжну утопили.

Довмысл чуть помолчал и продолжил:

– Не знаю, откель дева эта взялась, одначе с княжною она ничуть не схожа... Красивше гораздо, х-хы!

– Х-хы! – глумливо подхватил кто-то рядом.

– И тощее. Что это на ней за тряпицы?

Женька обиженно дернула веками – ничего себе, тряпицы! Дорогущее итальянское белье!

– Не ведаю, дядька, тако и была. Да одежонка ее у костра, сохнет. Ты бы взглянул.

– Да, – согласно пробасил Довмысл. – Идем, глянем. А эта пушай спит. Утром решим, как с ней...

– Може, дядько Довмысл, промеж собой ее раздербаним, да потом в Альдейге продадим?

– Я вот те раздербаню, пес худой! Посейчас не о девках надобно думати, а о том, как свои головы на плечах удержати, так!

Вновь стало темно, лишь желтые сполохи костра проникали в щелку, прыгая по углам. А у Женьки весь сон сгинул, пропал, как и не было! Очень ей не понравились речи про то, что, мол, с ней делать. Ее саму не спросив! Офонарели совсем, пиндосы деревенские! Словно бы она, Женька Летякина, тут никто и звать ее никак. Словно не гражданка российская!

Из всех остальных слов девушка, несмотря на прочитанный наговор, поняла лишь то, что ее явно приняли за кого-то другого. За какую-то (похоже, что утонувшую) княжну. Княжна, о как! С ума сойти, блин.

Сбежать от них, что ли? Нет, только не сейчас – ночью, в одном белье. Оно хоть и сексуальное, но, увы, не греет, а ночи-то в начале мая холодные, да и днем-то не особо вспотеешь. Полуголой по лесам не побегаешь, точно. Надо хотя б одежду вернуть. Жаль, рюкзак утонул, да.

Несостоявшаяся утопленница все же уснула и проснулась уже от громких голосов и бьющего через щель в шатре солнышка. А дождь-то, слава богу, кончился! Солнце – это хорошо.

– Всем привет!

Накинув на голые плечики плащ, Женька выбралась из шатра и с улыбкой на устах подошла к костру. Парни уже варили в котле ушицу. Обычные такие парни, один, светленький, – в узких смешных штанах и по пояс голый, второй, заметно смуглее, – в длинной рубахе. Оба – длинноволосые, небритые, а тот, что с голой грудью, чем-то походил на Смирненького.

– Как рыбка? Смотрю – ловится. Угостите?

– Знамо, угостим. Только пожди малость, доварим посейчас.

Тяка улыбнулась. Сейчас, солнечным светлым утречком, парни вовсе не казались ей такими уж подозрительными. Обычные ребята, подумаешь, серьги в ушах – тоже еще, модники деревенские. Продвинутые, ага!

– Хорошо, подожду. Одежка где моя? А-а-а, вижу, вижу, сушится. Молодцы. Спасибо.

Висевшие на ветках джинсы да свитер не так чтобы уж совсем высохли, однако сейчас было не до жиру, не в белье же ходить? Хотя, конечно, можно, парни наверняка были б тому очень даже рады... но все же наглеть-то не надо.

– Вы что, вдвоем, что ли? – натянув за кусточками джинсы и свитер, Женька вновь подошла к костру, уселась, протянув к огню кеды. – А где все?

– Лодьи проводят, – охотно объяснил светленький. – А мы тут, у костра оставлены. А там бобыры дерева повалиху...

– Ха!! – Тяка засмеялась. – О бобрах мне не рассказывайте – сама туристка. Картина знакомая! Меня, кстати, Женей зовут, а вас?

– Я – Тимота, – охотно представился светленький. – А это дружок мой, Путятко.

– Тимота, Путятко... – Девушка покивала и хмыкнула. – У одной моей подруги – вместе в общежитии жили – в телефоне тоже одни Рагнары, Торы, Эйнары. Она с ними в походы хаживала на драккарах, в игрища их играла... вот как вы! На лодейках, говорите, плывете? Тогда, может, и подружку мою знаете, может, где на тусовках встречались. Ленка ее зовут, а по-вашему – Рогведа.

– Рогведа? – Парни переглянулись. – А чья она дочь? Из чьего рода?

– А черт ее... я помню, кто ее родоки, что ли? Вот еще надо было!

– Хм... – помешав в котелке большой деревянной ложкой, Тимота прищурился, поглядев на спасенную так хитро, словно бы решил раскрутить ее... гм-гм... на более близкое знакомство. – Портки-то у тебя крепкие!

– Хм, крепкие. Обычная китайская джинса... или турецкая. Кстати, вы курточку мою случайно из воды не достали? А то там и мобила, и бабки. И сигареты... О! Нет, сигареты здесь... – Женька похлопала по задним карманам и довольно хмыкнула. – И зажигалка. Кстати, у вас покурить нет?

– Чего... нет?

– Понятно, не курите. Ничего, свои высушу, вдруг да покурить захочется.

Осторожно вытащив из мятой вымокшей пачки несколько ментоловых сигарет, девушка аккуратно разложила их рядом, на плоском сером камне и, обернувшись к удивленно застывшим парням, спросила:

– Ну, что там с ухой-то?

– Ах да! – спохватился Тимота. – Можешь пока из моей миски покушать... держи.

Набросав в деревянную (!) миску дымящейся ушицы, юноша с улыбкой протянул Женьке. Та благодарно кивнула:

– Спасибо.

– Вот, ложку бери.

– И за это благодарствуйте! Ха – деревянная. – Зачерпнув ароматно дымящееся варево, Женька подула на ложку. – Вы тут все из дерева делаете, да? А мечи у вас есть? А кольчуги? Вот Ленка, которая Рогведа, рассказывала...

– Ты кушай, кушай, дева, – снова улыбнулся Тимота.

Смуглый напарник его, Путятко, за все время еще не проронил ни слова, а вот Тимота, похоже, любил потрещать, не мог молча посидеть и секунды. То спрашивал, почему это Женька «в портах», то допытывался – зачем, мол, косу отрезала.

– За тем, зачем Володька усы сбрил! – рассердилась Тяка. – Я ее и никогда не носила-то. Коса! По лесам с ней не особо удобно... как и в юбке, вообще-то. А ушица у вас вкусная, спасибо. Только почему-то в ней одни налимы...

– Так налимя! А в том вон котле – форелевая будет.

– Гурманы, блин. А соль? Соль где? И хлебца бы не помешало горбушечку.

– Соль?! – округлил глаза Тимота. – Соль в Альдейге купим, а покуда – так. Хлеб же, лепешки у воеводы нашего, дядьки Довмысла, хранятся, он их и выдает, посейчас вот не успел еще.

Женька фыркнула:

– Вижу, прижимист ваш дядька Довмысл. Вы сами-то откуда? С Ладоги?

– Из Киева мы...

– Из Киева!!! Однако! Так у вас же там...

– Да ты про себя расскажи, дева-краса! – вклинился в разговор смугленький Путятко. – Кто ты, откуда? Какого роду-племени будешь? Толь из варягов, толь из весян, из словенов?

– Бабушка моя из вепсов была, други, – опростав ушицу, смирененько поведала «дева». – А батюшко – из словен.

– А род? Рода какого?

– А рода я женского! – Женька рассерженно сверкнула глазами. – Не трансвестит, не видно?

– Да мы видим, что женского, – ты нам другое поведай!

Где-то за мысом затрубил рог, и из-за излучины одно за другим показались суда. Женька ахнула: и в самом деле – ладьи! Такие, какие в школьных учебниках и на знаменитой картине Рериха «Заморские гости». Большие, в длину как четыре байды, а то и пять, с миндалевидными, вывешенными по бортам щитами.

– Целых пять штук! Ну, ни фига ж себе вы даете! – искренне восхищалась девушка. – Это ж без выходных, без праздников... А правда, что вы ничего современного не используете? Даже рубахи свои да плащи крапивой красите, дубом, корой?

– От крапивы – да, цвет зеленый, яко трава, – Тимота улыбочиво закивал. – От дуба коричневатый, а от жимолости – желтый. Ну а красный аль небесный – у нас в этаки цвета не красят, то в землях дальних, чужих.

– Здорово!

Качнув головой, Женька тут же поинтересовалась насчет своих незадачливых пильщиков – мол, не видели ли? Не забыла и о парнях в казанке спросить... Ни Тимота, ни дружок его Путятко вразумительно на вопросы сии не ответили. Просто дернули шеями, словно застоявшиеся кони – дескать, не, не видали.

– Ну и плохо, что не видали, – вздохнула девчонка. – Жаль. Ладно, сама поищу. Только можно я с вами во-он до того мыса доеду? Ну, на лодейке прокатите?

– То как воевода скажет.

Воевода. Ага. Женька мыкнула – ишь, как их тут главный держит. В ежовых рукавицах! Поди, сухой закон и никаких девок, прокатит такой на ладье, ага, жди-дожидайся. Да и черт с ним, и без ладьи обойтись можно – тут и пешком-то всего ничего.

Направляемые умелыми взмахами весел ладьи разом свернули к берегу и почти одновременно ткнулись носами в песок... совсем невдалеке от той самой кручи, где еще вчера...

Ладно, уж чего теперь вспоминать-то? Еще хорошо, что так все закончилось, а то б привезли в город в наручниках и с мигалкой.

Народ среди реконов – реконструкторов старины, именно так – реконы – их называла Женькина общежитская подруга, Ленка-Рогведа, – подобрался осанистый, сильный. Все молодые парни да мужики, девчонок было не видно.

С первой ладьи ловко соскочил на берег какой-то плечистый тип с длинными, как у гориллы, руками, низким покатым лбом и всклокоченной черной бородищей, тронутой многочисленными серебряными волосками. Старый, лет сорока, но жилистый, сильный. На типе сем были одеты широкие синие шаровары, заправленные в какие-то кожаные полусапоги-полулапти с обмотками, да длинная темно-зеленая рубаха с серебристым узорочьем по вороту, рукавам и подолу, да отороченная рыжеватым мехом шапка. Слева, на кожаном – через плечо – ремешке висел меч в сафьяновых, оплетенных ремешками ножнах.

Похожие мечи, как заметила Женька, здесь имелись у многих, но далеко не у всех: кто-то обходился коротким копьем, кто-то секирой, а кто-то и вообще –

обитой железьем дубиною. Луки тоже были. Со стрелами.

Поспешно вскочив на ноги, сидевшие у костра парни, поклонясь, доложились:

– Ушицы готовы, дядько Довмысл.

– Готовы так готовы, – не спуская глаз с девушки, хмыкнул Довмысл (вот чей голос Женька слышала ночью в шатре). – Поснидаем, да в путь. Поднажмем, так завтра к вечеру в Альдейге-Ладоге будем... С тобой же, дева, посейчас и порешим! Идем-ка... для разговору.

Воевода нехорошо прищурился и, обернувшись, махнул рукой:

– Подмогните девке!

Тяка не успела и слова сказать, как спрыгнувшие с ладьи дюжие молодцы, подхватив ее под руки, потащили следом за старшим куда-то в лес... на опушку, подальше от всех прочих.

Напрасно девчонка возмущалась:

– Эй, мать вашу так! Куда вы меня тащите? А ну, отпустите... Отпустите, кому говорю?!

Женьку поставили на ноги вовсе не по ее просьбе, а по знаку недобро ухмыльнувшегося Довмысла.

– Ну? – Тяка сверкнула глазами. – И что вам от меня...

Довмысл – воевода чертов! – неожиданно ударил ее по щеке, не то чтобы сильно, но больно, впрочем, сбитая с ног Женька сразу же свалилась в траву, откуда ее вытащили все те же парни – воины, блин, недоделанные – и по приказу своего чокнутого вожака грубо сорвали с девчонки одежду. Джинсы рванули так, аж треснули, что уж говорить о белье!

– У-у-у! – силясь вырваться, завопила Тяка. – Помогите-е-е! Эй, кто-нибудь... Эй...

И снова нарвалась на удар! На этот раз – ногой в бок.

Больно было до ужаса, несчастная девчонка согнулась, заплакала:

– Сволочи-и-и-и...

Вот ведь попала! Одни психи кругом... – глотая слезы, Женька все же соображала, что делать: надо этим психам долбаным не перечить и при первом же удобном случае бежать со всех ног!

К ужасу своему, Тяка примерно знала, что сейчас последует... и даже не примерно, а точно! Сейчас... вот сейчас...

Приготовилась уже к худшему... однако ошиблась: вместо того, чтоб снять штаны да оприходовать поправшую в лапы девку, Довмысл неожиданно выхватил меч, приставив его к шее пленницы.

– Я бы мог убить тебя сейчас.

Женька стиснула зубы – уж с этого станется!

– Пронзить мечом, сжечь, утопить, отдать для забавы гридям... Веришь?

Глаза при этом у «воеводы» были таки-и-е! Точно, псих! Конченный! Тяка слышала как-то от той же Рогведы-Ленки о том, что люди с неустойчивой психикой, бывает, принимают средневековые игрища за реальность – так и живут. Вот ведь угораздило столкнуться...

– Ай... больно же! – Женька вскрикнула – острый клинок рассек, расцарапал кожу до крови.

– Еще не так будет, – хмуро пообещал псих. – Сказывай – кто ты? Какого рода, племени?

– Мы так просто, с друзьями... тут... – заканючила девчонка.

- Где отец твой?

- Умер давно.

- Та-ак. А в роду старший кто?

- Какой еще старший? Дед? Так нет его.

- Ладно!

Сунув меч в ножны, Довмысл приказал парням положить пленницу на траву и сам присел на корточки рядом. Видать, надоело стоять.

- Поверните ее спиной!

Женька похолодела – вот оно, началось! Сейчас... в извращенной форме. Ой, мама, вот, блин, влипла-то! Ну почему она такая невезучая, Господи-и-и?

- Что такое кровавый орел, ведаешь? – тихо, почти ласково спросил псих.

- Какой еще орел, у-у-у...

- Не ной! Это когда человеку взрезают мечом спину, потом выламывают ребра, вытаскивают наружу легкие. Мучительная, злая смерть! Хочешь испытать?

- Не-е-ет! – Девушка дернулась, почувствовав спиной холодное лезвие. – Что вам от меня надо-о-о-о-о?

- Покорности! – резко промолвил Довмысл. – Хочешь жить – как скажу, делай!

- Я согласна, согласна!

Лишь бы уговорить, лишь бы этот чертов псих ей поверил, лишь бы... Ну, что там он заставит-то? Групповой секс? Минет? Да лишь бы не убил, не изувечил – а ведь, похоже, может!

- Тогда слушай и запоминай. Как тебя там раньше звали - забудь, весь свой род - забудь, тем более, похоже, у тебя его и нету, приبلуда ты, изгойка никому не нужная. Так и сгинешь. А можешь княжной стати!

- Княжной?!

- Слушай, что говорю. Запоминай. Звать тебя - Малинд, Малинда. Ты - из рода кайванов, могучего племени весь, младшая дочь их князя Таумярга.

- Ма-линд - береговая ласточка, - тихо пробормотала девчонка. - Таумярг... лук мокрый... мокрый лук...

- Вижу, ты понимаешь речь веси. - Довмысл довольно кивнул.

- Я ж на инязе училась. Финно-угорскую филологию сдавала... зачет.

- Славно, славно... Про родичей твоих Стемид ведает, - воевода кивнул на одного из парней - Женьку так и не отпускали, придавив крепкими ладонями спину.

- Стемид и расскажет, а ты запоминай. После князю будешь рассказывать, коли спросит!

Длиннорукий псих расхохотался, наконец-то засунув меч в ножны.

- Какому еще князю? - все ж любопытствовала пленница.

- Нашему князю, киевскому, великому хакану Святославу, сыну славного Ингваря-конунга! Ведаешь про такого?

- Еще бы!

Так вот, значит, у них какие игрищи. Святослав, походы на хазар, что там еще? Набеги на Византию. ЕГЭ по истории Женька сдала неплохо, правда, сейчас уже многое подзабыла, но кое-что все же помнила - про Святослава, про Ольгу, про Игоря - как его древляне казнили.

А... а вдруг... Вдруг это никакие не психи? А самые настоящие обитатели десятого века! Куда она, Женька, каким-то неведомым образом вдруг провалилась. Заклятье! Заклятье, блин! «На отворение врат». Ну, бабуля, подсуропила... Вот куда ворота-то открылись! В десятый век. По всему – так выходит... И все же до конца не верилось... не хотелось верить.

– Боги милостивы к тебе, дочь, – между тем, продолжал воевода. – Женой Святослава, великого хакана русов, будешь! Но удержи тебя боги признаться ему, кто ты такая на самом деле есть. Князь на расправу крут – живо прикажет содрать с живой кожу. Поняла все?

– Да поняла уже! – взорвалась Женька. – Что я, тупая, что ли? Звать меня Малинда, я – дочь вепсского... везянского князя, везут меня князю Святославу в жены. Чего непонятного-то?

– Добро. – Довмысл ухмыльнулся, провел жесткой ладонью по голой Женькиной спине, хмыкнул, но тут же отдернул руку, сам себя отругал: – Цыть, похотливец старый! Чай, в Ладогге-то дев купим, недолго ждать.

– Да, в Альдейгуборге красивых рабынь хватает, – промолвил до того молчавший Стемид. Сказал не по-русски, точно, но Женька все поняла, хотя вроде и не должна была бы понимать.

Наговор бабусин помог? «Во языцех ведати».

– Одежку твою изгойскую мы спалим, – негромко продолжал воевода. – Но – после, в Ладогге, там и новую сладим. Пока же с нами на ладье поплывешь, шатер для тебя разобьем, там и сиди, не высывайся. Знай – приглядывать за тобой есть кому. Бежати вздумаешь – стрела достанет. А девку мы в Альдейге новую купим.

– Нет, нет, – Женька поспешно кивнула, упершись лбом в траву. – Я согласна, согласна, в княжнах-то ведь не в холопах – хорошо даже!

К чему спорить, когда сила не твоя? Лучше для виду во всем соглашаться, а то ведь прибьют или покалечат, что с них взять-то? Десятый век, господи! Или все же – психи? Нет, не может быть, чтобы все. Вон, Путятко с Тимотой – ничего, вроде парни нормальные. Хотя... Женька где-то в Интернете читала, что люди,

страдающие вяло текущей шизофренией, очень часто имеют какую-нибудь манию, в которой достигают изрядных высот, китайский язык учат или вот историческими реконструкциями занимаются, причем явно на очень высоком уровне – это ж видно! Все эти мечи, шлемы, кольчуги... Настоящие!!!! Нас-то-ящие!

Правда, кольчуги Летякина из-за дальности расстояния – воины-то в ладейках сидели – не шибко-то хорошо разглядела, может, то и не кольчуги были вовсе, а просто выкрашенные серебрянкой свитера грубой вязки... Нет! Этим только ролевики грешат, всякие там толкиенисты и прочие эльфы-вампиры, как Ленка говорила, реконы – никогда, те все четко делают, как в давние времена было: ежели рубаха – так вручную на станке выткана, крапивой с квасцами выкрашена. Кто-то сам делает, кто-то покупает – тех, правда, не очень-то уважают, купить-то всякий дурак может, в Москве лавок полно, по Интернету торгуют – хочешь полный комплект викинга – пожалуйста, только бабосы плати. Женька не знала, сколько все стоит – меч, щит, кольчуга, – как-то не интересовалась, не спрашивала, однако полагала, что весьма и весьма прилично, вполне сопоставимо со стоимостью подержанного авто.

И все же, все же выходило, что... Десятый век, десятый!!!

Все эти мысли вихрем пронеслись в растрепанной голове поверженной в грязь девчонки, Довмысл же тем временем поднялся на ноги и махнул рукой второму парню, не Стемиду:

– Отведи ее на мою ладью, Всеславе. А мы тут пока помыслим еще...

– Эй, эй! – Тяка проворно вскочила на ноги. – Так, может, я оденусь уже?

– Одевайся. Живей.

О бельишке, конечно же, речи не шло – порвали, а жаль – ладно, что дорогое – красивое. С собой забрать да потом сшить? Тьфу... больно надо! Лучше уж купить новое.

Быстро натянув разодранные джинсы да свитер, Женька села наземь – завязать на кедах шнурки... тем самым вызвав неожиданный гнев «воеводы»:

- Сказал, на лодью – живо!

- А...

- Там и обуешься! Пшла!

Несмотря на все свое состояние, девчонка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами: ну надо же, как здорово все, красиво! И ладьи эти с красными, навешенными на борта щитами, и воины – молодые мужики, парни. Все уже поели и теперь собирались в поход – кто-то даже натягивал кольчугу. Звякнула! Значит – железная, без дураков! Эх, позвонить бы...

- Иди уже, не то... – грубо подогнал Всеслав.

Правда, не толкнул – вел себя деликатно, даже поддержал под руку на узких сходнях, сопровождал в разбитый на корме небольшой шатер, шикарный – из какой-то блестящей ткани с затейливой арабской вязью.

Там пленница и расположилась, разлеглась на кошмах и снова принялась думать, внимательно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. А там звучали веселые молодецкие голоса, шутки, вот кто-то что-то уронил в воду – плеснуло, – рядом тут же с видимым удовольствием прокомментировали про дырявые руки, тут же грохнули смехом.

А вот запел рог, ладья дернулась – видать, сталкивали на глубокую воду. Столкнули. Сквозь приоткрытый полог Женька увидела оставшуюся за кормой полоску пены, а за ней – и другие ладьи. Как ловко гребли эти парни! По всему – тренировались изрядно, иначе б не смогли так. Вряд ли они психи... А может, вот прямо сейчас позвать на помощь, закричать?

Тяка попробовала – высунула из шатра голову:

- Эй!

Откуда-то взявшийся Стемид немедленно хлестнул девчонку ладонью по щеке и, забравшись в шатер, зашипел, держа пальцы на Женькином горле:

- Тебя придушить, что ли, щучья дочь? Чего разоралась? Уговор наш забыла?

- Пусти-и-и, - просипела пленница. - Я просто хотела попить спросить.

- Вон у тя в углу - жбан с водицей. Пей сколько хочешь и помни - вздумаешь орать - придушу!

Ах, вот, значит, как... Значит, они тут, рядом, здесь же сидят, на корме. Кричать, звать на помощь - себе дороже выйдет. Может, тогда просто выпрыгнуть - да в реку? Пусть и холодная водица, да ведь не море кругом - река, и не такая уж и широкая.

Догонят. Точно догонят, а то еще и стрелу пустят или копье бросят вслед. Не-ет, тут хитрее не днем - ночью. Как на стоянку встанем, так уйти - типа пописать, и деру! Еще лучше - под утро, чтоб сто раз подумали, что им важнее - беглянку по лесам искать или плыть себе спокойненько дальше?

С другой стороны - если десятый век, так куда бежать-то? И все же надо посмотреть, послушать... Может, не все еще потеряно?

Женька устроилась поудобнее и наострила уши, прекрасно помня так называемый эффект отсутствия (сама так прозвала!) - вот, если рядом с беседующими между собой людьми стоит обычная палатка, в которой кто-то есть, то снаружи-то кажется, будто и нету. Палатка и палатка, не человек, палатки никто не стесняется, все свои проблемы обсуждают в голос, такого иногда наслушаешься, хоть и не хотелось бы! Кстати, обратный вариант тоже верен - когда, наоборот, те, кто в палатке, проблемы обсуждают, едва не крича. Да даже и вполголоса - а все равно на весь лагерь слышно - стенки-то - тряпка, синтетика!

Вот и здесь, в шатре, надеялась Тяка кое-что интересное для себя подслушать, чтоб ей как-то из сложившейся ситуации нехорошей выбраться с наименьшими для себя потерями, а лучше - вообще без потерь. Уж ладно, разорванное бельишко не в счет, хоть и жалко - фирменное ж!

Притихла Женька, затихарилась - типа спит, сама же - ушки на макушке... И кое-что услышала-таки! Уже и голоса различала, понимала, что кто кому говорит, благо беседующие расположились рядом, на корме, и голоса их были уже

знакомы, по крайней мере один – гулкий, уверенный, с хрипотцой – Довмысла.

– Может, все ж другую купить, дядько? – спросил кто-то помоложе воеводы, скорее всего – Стемид. – Эта больно наглая. Не нравится мне, клянусь молотом Тора!

– Эту все воины наши уже видали, – возразил Довмысл. – А ту, утонувшую, и не видали почти – пуглива, из шатра-то не вылезала.

– Но, дядько, кто-то все же...

– Те, кто знает, с теми потом решим. А эту... Эта – изгойка. И вдруг княжной станет – не видел, как очи зажглись? А я вот заметил. С рабыней же купленной сызнава разговор зачинать надо, да не всякая девка еще подойдет. Сколько же их покупать, серебро тратить?

Послышался приглушенный смех:

– Ох, и прижимист ты, дядько Довмысле!

– Поживи с мое. К тому ж в Ладоге мы ее к волхвице одной сведем.

– К Урмане?

– К ней. Пущай поколдует. Скажет другую искать – тогда и поглядим невольниц, а эту – в Волхов.

– Эту, другую, – после недолгой паузы, заполненной криками чаек, вновь подал голос молодой. – Пусть хоть какая будет. Но там, в Киеве, когда на ложе княжье возляжет, не захочет ли нам отомстить?

– Не достанет: князь вечно в походах, и мы с ним.

– А коли вдруг родичи ее проведать приедут? Старцы весьянские аль торговые гости? Увидят, а скажут – не та! Куда, мол, нашу княжну дели?

– Х-хо! – воевода хрипло хохотнул и помянул какого-то бога. – Ты думаешь, я о том не помыслил, Стемиде? Не увидят ее гости весяньские, и нам она навредить не успеет! Старица Криневера на что? Изведет девку, к осени в могилу сгонит, а то и раньше! Пусть уж потом князь печалуется – то уж не наше дело. Померла и померла, мы ж живую и невредимую привезли, тако?

– Тако! Ну и мудр ты, дядько Довмысл.

– Я ж и говорю – с мое поживаху!

Ну, вот опять! Киев... князь... волхвица... Средневековье, блин, да к тому же – раннее! Быть такого не может... потому что не может быть никогда. И все же... все же было!

Помотав головой, словно отгоняя от себя невероятные мысли, Женька зевнула и закрыла глаза, чувствуя, как берет свое накопившаяся усталость, как наваливается сон, тянет в свои объятия...

Лица какие-то кругом замелькали, слышались голоса...

– Налейте, налейте еще. Не, не мартини – водки.

– Че, девчонки, закуска-та еще есть?

– Глянь в холодильнике.

– Пилите, пилите, парни!

– А вот и он – трелевочник.

– Давайте еще за бутылкой сходим. А то почти нет уже.

– Ловите их, ловите! У, ворюги!

– Старцы весяньские...

- Малинда ты теперь. Ма-лин-да.

- Эй-эй, проснись, девка! Эй!

Кто-то грубо схватил Женьку за ногу, потянул...

- Ай! - Вздрогнув, девчонка открыла глаза. - Кто здесь?

- О! Гляди-ко, проснулась... Давай, вылазь - посейчас в лес тя отведут, дела свои сделаешь.

- Какие еще дела? А... пописать... Давно пора бы!

Пока двое молчаливых парней вели пленницу в ореховые кусты и обратно, та смотрела во все глаза, прикидывая, как лучше дать деру, и сожалея, что не удалось сбежать прямо сейчас - ребятки-то уж больно ретивые попались, далеко от себя не отпускали, прямо извращенцы какие-то... вуайеры, вот!

Вечерело. Светло-синее, тронутое легкими бежевыми облаками небо сияло оранжево-золотистым закатом, от высоких, насыпанных по обоим берегам реки курганов тянулись длинные черные тени.

К большому сожалению узницы, лагерь нынче не разбивали, шатров-палаток не ставили, лишь разложили костры да наскоро приготовили пищу - Женька и сама с видимым удовольствием похлебала принесенной ей на ладью ухи, две миски слопала - налимью и окушковую. Разные породы рыб здесь почему-то варили отдельно, наверное, по какому-нибудь старинному рецепту. Варили вкусно, хоть и почти без соли, зато с какими-то травами, с корешками.

- Спасибо, - протянув пустую миску Стемиду, поблагодарила Женька. - Жаль, без хлеба.

- Ничо, уж завтра в Альдейге хлеба-то наедемся. А пока дай-ко руки, свяжу.

- Да зачем связывать-то? Куда я от вас денусь? - начала было Тяка... Но тут же согнулась от полученного в правый бок удара.

Закусила губу, глотая злые слезы... Себя нужно было ругать – нечего прекословить воеводе. Сказал – вязать – так протягивай руки.

Пужинав, реконы сразу полегли спать, песен, как обычно, не пели, лишь, повернувшись к курганам, кланялись да что-то шептали – вероятно, молитвы.

Утром поднялись рано, на зорьке, двое парней снова отвели Женьку в орешник и следили так же пристально, как и вчера. Ну, за самим процессом, конечно, не посматривали, но находились рядом, Тяке казалось – она даже дыханье их слышала.

Ладно, не сейчас... Судя по всему, именно сегодня похитители (или все же – спасители?) собирались куда-то приплыть, то ли в какой-то город, то ли на свое сборище.

Еще ночью пленница проделала в шатре дырку – растянула неплотно сшитые полоски ткани в углу, теперь, когда ладьи пустились в путь, с любопытством осматривала тянувшийся слева берег, густо поросший хвойным угрюмым лесом, кое-где прерываемым опушками и березовыми да осиновыми рощицами. Попались две деревеньки, но из-за дальности расстояния – река-то расширилась – ничего толком было не разглядеть. А девушка все же где-то в глубине души надеялась увидеть... ну, хотя бы вышку сотовой связи! Вот увидеть ее... и все! И успокоиться уже...

Однако ж нет! Никаких вышек не было. Все чаще виделись сопки – явно рукотворные, погребальные курганы, насыпанные в незапамятные времена над могилами знатных воинов, пару раз проплыли мимо рыбаки – правда, какие-то зашуганные: завидев ладьи, сноровисто погребли к берегу. А вот снова потянулись избы, именно что избы – приземистые, крытые тесом постройки, окруженные жердяными изгородями. Рядом паслись коровы – целое стадо, лаяли, носились собаки, вот кто-то, подняв тучу пыли... проехал на скутере!!!

Не! Не на скутере! На лошади верхом проскакал!

Что-то показалось девушке странным, чего-то не хватало... Плеска волн, поднимаемых мерными взмахами весел. Но судно-то шло, и довольно быстро. Просто плыло по течению? Да нет, верно, подняли парус. Вот здорово, под

парусом-то да на древней ладье – кому доводилось? Если б не сложившиеся обстоятельства, так и порадоваться можно было б.

А ведь сидевшие на веслах парни – радовались! Перекрикивались, шутили, смеялись, похоже, трудный поход подходил к концу... Ну, точно!!!

Женька углядела в щель крепостные башни и стены, сложенные из светло-серых камней, возле нее громоздились избы, какие-то длинные сараи, изгороди... коровы, опять ж, паслись... Точно, Средневековье. Такое ни на какие деньги не выстроишь, не воссоздашь.

Над головой что-то хлопнуло – как видно, спустили парус, ладья резко замедлила ход, повернула... Женька ахнула, увидев стоявшие у пристани корабли! Парусные – довольно большие – ладьи, лодки, их было довольно много, наверное, с полсотни. И почему-то ни одного катера! По пристани, по деревянным мосткам, прохаживались какие-то люди в старинных длинных кафтанах и плащах, в отороченных мехом шапках – и это несмотря на теплый майский денек. Имелись и воины в сверкающих на солнце кольчугах, в круглых железных касках, с круглыми же разноцветными щитами, с копьями.

Ну, ясно... Пленница совсем пала духом... Еще бы – десятый век. Да кто б такое выдержал-то?

Ладья приткнулась бортом к причалу, опустили сходни.

– Сиди пока, – заглянув в шатер, негромко бросил Стемид. – Жди.

Женька вскинулась:

– Эй! А чего ждать-то?

Парень не отвечал, верно, ушел куда-то, и пленница, живенько подняв ко рту руки, наконец развязала зубами узел – не особенно-то и сложный, обычный булинь. В темноте, правда, получилось его лишь ослабить, а вот сейчас...

Пора! Вон на пристани народу сколько – не меньше сотни.

Высунув голову из шатра, Женька быстро осмотрелась и, выскочив, побежала к сходящим, оттолкнув попавшихся под руку парней. Оказавшись на пристани, заметила удивленный взгляд Стемида и, не раздумывая, бросилась к группе стоявших неподалеку молодых людей в синих плащах и с мечами.

Все же таилась еще где-то в глубине души надежда, что все это – не взаправду, понарошку, игра...

– Ребята, пожалуйста... Пожалуйста, помогите! Тут психи какие-то пристают...

Ой...

Что-то смачно прилетело в ухо!

От удара Женька полетела наземь, распласталась в пыли, корчась от боли. Парни – вот сволочуги! – захохотали, глядя на дувшего на кулак Стемида, рыжеватая бородка которого дрожала от злости.

– Твой, что ль, раб?

– Мой.

– Плохо ж ты его кормишь – тощей.

Ну, вот и вся помощь! Посмеялись обидно да еще и за мальчика приняли. Уу-у-у, гнусь!

– Ур-роды, вашу мать! – ругалась сквозь слезы Тяка. – Шизоиды долбанутые! Сукины коты!

– Идем, – Стемид рывком поднял ее на ноги. – Не хочешь ножа получить – слушайся. Эй... – он обернулся, позвал кого-то...

На Женькины плечи накинули длинный плащ, повели... У распахнутых ворот крепости – настоящих, как в фильмах! – толпилось довольно много людей, и никто не обращал на Женьку никакого внимания. А чего обращать-то? Тут все

такие – в плащах, а некоторые и с мечами.

Нет, ну надо же – «раб»! Сволочи! Суки позорные! Козлы!

От полученного удара левое ухо горело огнем, в голове звенело, а перед глазами нет-нет да и пробегали разноцветные искорки – веселые такие, сверкали, словно бы издевались, мол, получила помощь, ага!

Между тем пленница и ведущие ее воины во главе со Стемидом, миновав ворота, прошли мимо рыночной площади, полной разнообразного торгующего и покупающего люда – опять же, все, как и положено, в древних одеждах, женщины в платках, девчонки – с косами, ни одной простоволосой Тяка не видела да, честно сказать, не очень-то и смотрела – голова гудела колоколом.

Свернули на малолюдную улицу, мощенную деревянными плашками, вокруг тянулись высокие – в полтора человеческих роста – заборы и даже вкопанные в землю бревна, как помнила Женька – такая штука называлась частоколом. А городок-то немаленький, гектаров десять уж точно будет...

– Стой.

Придержав пленницу за руку, Стемид долбанул кулаком в ворота. За частоколом послышался истошный лай, звякнула цепь – кто-то успокаивал пса, потом спросил недобро, кого, мол, там принесло?

– То я – Стемид, – без всякого почтения отозвался Женькин злопыхатель. – Отворяй, живо.

– Посейчас, посейчас, господине...

За забором забегали, засуетились, поспешно отворяя ворота. Едва вошли во двор, как вокруг столпились какие-то оборванцы, босые, в серых рубахах, словно сшитых из старых картофельных мешков.

– Слава великим богам за вашу удачу! – кланялись оборванцы.

Судя по внешнему виду и поведению, их социальное положение было куда ниже, нежели у Стемида и прочих.

За частоколом громоздились хоромы... Кажется, именно так называлась массивная двухэтажная постройка из трех примыкавших друг к другу срубов, рубленных в «обло» – круглыми бревнами. «Обло» и значило «круг», в отличие от квадратно-гнездовой «лапы», Тяка это хорошо помнила – достался как-то вопрос на туристском слете. Кроме хором на достаточно просторном дворе располагалось еще несколько строений – какие-то сараюхи, амбары, вросшие в землю подземлянки, – а также росли дикие яблони и терновник. Круто! Подняв голову, Женька поискала глазами «тарелку» и едва не споткнулась о высокую ступеньку крыльца.

– Эй, дочь, не падай – зашибешься, – с усмешкой поддержал Стемид.

Тоже еще – джентльмен нашелся!

– Проходи, проходи в горницу. Тут покуда и побудешь, пока мы управимся. Чего надо ежели – слугу кликнешь.

Хлопнула за спиной дверь. Что-то глухо стукнуло. Они что, ее заперли, что ли? Пленница рванулась обратно, уперлась в дверь плечом... Увы! Все равно что с бычком трехлетком бодаться.

Ладно. Поглядим.

Узилище, куда привели Женьку, выглядело довольно просторным, раза в три больше, чем та комната, что девчонка когда-то снимала. Из мебели – длинный, сбитый из толстых досок стол, вдоль стен – широкие лавки, рядом – деревянный, окованный железными полосами сундук изрядных размеров, в углу – круглая, сложенная из обмазанных глиной камней печка... Неужели по-черному топится?! Точно, по-черному. Судя по копоти – дым вот в это оконце выходит. Узенькое – едва кошке пролезть.

Нет, а мебель-то, мебель! Почти как дома, то есть – на съемной квартирке в родном Крутогорске, уж там-то чего только не было! Старый скрипучий шкаф,

смешное зеркало на тумбочке – трюмо, убогий торшер с треугольным столиком на облезлых рахитичных ножках...

Женька никогда бы, ни за что такую мебель бы не купила... да что там – купила, даром бы не взяла, даже если б навязывали, в ногах валялись, умоляли. Ну, так ведь не ее мебель, и комната эта, чай, не ее была, съемная, почти что задаром доставшаяся. Владелица, Анна Ивановна, дачница, неделю назад в деревню на все лето уехала, а комнату сдала. Так, за копейки сдала, не жадничала – чего выпендриваться-то, когда тут такой антиквариат да еще сосед – пьяница. Коммуналка. Нет, вообще-то сосед смирный, тихий был. Иногда, правда, гулеванил с приятелями-алкоголиками. Драться, правда, не дрались, но ногами топали шумно, орали что-то гнусными голосами, а иногда и кто-то из гостей – вряд ли сам сосед – в комнату к новой жиличке ломился. Сексу, наверное, восхотел на халяву, или просто так – познакомиться. Как-то даже пришлось пригрозить, мол, ежели что – так табуреткой по башке запросто! И врезала бы, не заржавело б, Женька всегда была девушкой решительной во всех отношениях: и с парнями, и просто – по жизни.

С любопытством распахнув сундук, Женька вытащила наружу какие-то пыльные выделанные шкуры, куски смотанных в рулон тканей... обычное полотно, льняное... О! А вот это необычное! На ощупь то ли шелк, то ли бархат – не поймешь. Материя тяжелая, плотная, очень красивая – золотистая с каким-то затейливым узором. Опять же, недешевая, верно! И вообще, далеко не бедный человек это все устроил. Это что же выходит, она, Летякина Евгения – этого неведомого олигарха пленница? Ага... сейчас!

Не обнаружив больше ничего интересного, девушка подошла к двери и, стукнув кулаком, громко позвала:

– Эй, кто тут есть-то?!

Ответом была тишина. Нет, сквозь узкое оконце со двора доносились чьи-то голоса и даже крики, только вот на Женьку никто не реагировал. Никак.

Пленница постучала еще, уже гораздо сильнее, едва не разбив кулаки в кровь. Закричала:

– Эй, мать вашу так, козлищи долбаные!

А вот эта ее эскапада почти сразу же увенчалась успехом – на крыльце послышались чьи-то торопливые шаги, что-то глухо скрипнуло, и дверь наконец-то распахнулась, едва не ударив девчонку по лбу.

– Звал, гостюшко? – поклонясь, осведомился тощий белобрысый пацан лет двенадцати, с плаксивым и каким-то угловатым лицом, босой... а грязные руки – в цыпках. Одет, однако же, как тут и полагается – в старинного покроя рубаху, правда, довольно грубую и особой свежестью не отличавшуюся.

– Не звал, а звала, – оскорбилась Тяка. – Глаза-то разуй, чудо!

– Глаза... разувать? Хо! Да ты дева!

Пацаненок наконец-то заметил под тонким свитером грудь... не такую большую, конечно, но ведь и не плоскую.

– Тебя как зовут-то, чудик?

– Гремислав... Гречко.

– Хо, Гречко! Во имя придумали – как у космонавта.

Женька засмеялась, парнишка тоже улыбнулся в ответ:

– Дак чего звала-то?

– Позвонить дай.

Так просто спросила. А вдруг? Вдруг? Вдруг да развеется все это наваждение, сгинет, пропадет. И парнишка этот чудной сейчас притащит мобильник...

Не притащил! Не понял даже!

– Э-э... колоколов-то у нас нету, а било... било – на главной башне.

- Ладно, пошутили уже, - отстранилась девчонка.

Гречко озадаченно шмыгнул носом:

- Не понимаю я, дева-краса, чего ты от меня хочешь-то? Вижу - просишь чего-то, а чего - не пойму.

Ишь, как говорит средневековый житель: не понимаю, дева-краса...
Современные-то тинейджеры-подростки и слов-то таких не знают! Без мата и всяких «как бы» да «это самое» и двух слов не свяжут. Этот же...

- Попить принеси, а то тут душновато как-то. И это... мне бы в туалет надо.

- Э... Куда?

- В сортир, в нужник, в уборную!!! - рассерженно заорала девчонка. - Пописать, короче. Понял, дебил?

- А-а-а! - пацан закивал головой. - Так бы сразу сказал... сказала. Ну, пошли.

Щурясь от солнца, Женька с удовольствием вышла во двор, вдохнув полной грудью терпкий майский воздух, напоенный запахом первой листвы и пряных трав. Синее, с белыми клочками облаков небо казалось нарисованным, как и этот деревянный замок, словно из волшебной сказки, легкий ветерок ласкал...

- Эвон, туда иди, на задворье.

Гречко потянул девушку за руку.

- Она!

За хоромами, как поняла Тяка, на заднем дворе громоздились какие-то неошкурные бревна, тес, а позади, у самого частокола, виднелось небольшое строение - то ли абмар, то ли банька.

– А ты что стоишь-то? – расстегнув пуговицу на джинсах, Женька обернулась. – Извращенец, что ли?

– Интересно мне.

– Хо! Интересно?! Ах ты полудурок...

– Интересно – дева, и в портах. Почему не в сарафане варяжском, не в платье?

– А ты по лесу-то в сарафане побегай, ага!

– По лесу? Да, не очень-то лихо. – Гречко неожиданно засмеялся. – Лучше уж тогда и правда в портах. Токмо ведь не дело деве по лесам бегать, ее дело замуж выйти да деток рожати, вскармливати.

– Деток рожати, – скривившись, передразнила Женька. – Умный ты, как я погляжу. Ладно, уйди уже, дай пописать.

Справив свои дела – не особо-то и хотелось, но раз уж на улицу вышла, – пленница застегнула джинсы – эх, их еще зашить бы! – и снова огляделась вокруг. Высокий частокол не давал никакой возможности хоть как-то через него перебраться... хотя, если б были веревки да пара карабинов... Да можно и без карабинов, связала бы «стремя», веревку б на бревно закинула – и поминай как звали! Впрочем – а куда бежать-то? Да все равно... лишь бы из плена вырваться. Для начала хотя бы... А там поглядим.

А ведь мысль! Где-нибудь веревку найти. Где... У пацаненка этого спросить? Типа – повеситься...

– Все? – любопытствуя, выглянул из-за угла Гречко. – Дела свои справила? Тогда милости прошу в горницу. Не велено тебе на дворе бытии.

– Это кем это не велено?! – вскинулась Тяка. – Да я...

– Сказано, ежели кочевряжиться будешь, Кондея позвати... тот с кнутом придет, охолонит. Звать?

– Черт ты худой!

Погрустнев, Женька махнула рукой – связываться с кнутом не хотелось, знала – с этих чертей станется, вполне могут всыпать плетей, с удовольствием даже.

И снова узилище, унылая полутьма, сундук, лавки. И мысли, мысли, мысли... Такие, что хотелось умереть! Их нужно было гнать, и Женька гнала, как умела...

Усевшись к окну, пленница все смотрела во двор, все пыталась хоть что-то высмотреть, а что – не знала сейчас и сама. Что-то. Чтоб помогло выбраться отсюда. Или кого-то, кто бы помог.

Никого и ничего подобного через оконце, увы, не виделось. Нет, проходили мимо какие-то мужики, парни, девки – но все при деле, с вилами, с топорами... вот парни потащили куда-то бревно... девчонки погнажи уток...

За дверью вновь завозились. Надо же! И кто б это мог быть?

– Поснидать принес, вот, – вошел-поклонился Гречко.

В руках мальчишка держал глиняный горшок с чем-то дымящимся:

– Каша! Маслом льяниным заправлена, да с шафраном – умм! Вот те ложка...

– Что, прям из котелка, что ли?

– А чего ж! Это не все еще, посеичас еще еды принесу – кушай-наедайся. Голодом тя морить не велено.

– Спасибо большое! – язвительно скривилась девушка.

Каша – вроде бы просо, только сильно разваренное – оказалась на вкус весьма специфичной – Женька и ложки не смогла проглотить: льняное масло не особенно-то кому нравится, да и шафран, и какие-то пахучие коренья – явно на любителя экзотики – гурмана.

Слава богу, Гречко принес еще и печеной рыбки и даже пирог-рыбник, щуку с форелью. Така уплела за обе щеки – вкусно, хоть, опять же, почти что без соли.

– Счас квас-от принесу... Кашу-то чего не ешь?

– Да не лезет уже. Может, ты скушаешь?

– А и съем! – забыв про квасок, облизнулся мальчишка. – Ложку-то дай, ага.

Пока Гречко – Гремислав – ел, хитрая девушка выпрашивала его обо всем, что приходило в голову. О семье, о городе, и вообще – о жизни.

Парнишка отвечал охотно, хоть и с полным ртом, правда, все больше нес какую-то чушь, в коей Летякина, к слову сказать, ни черта не понимала. Про воинов заявил только, что те – «добры вои Святославы», город назвал Ладогой, а про семью сказал, что «рода здешнего, при Кузьме-огнищанине живаху».

– Огнищанин-то ить от Довмысла, воеводы княжьего! И двор се – его.

Женька тихонько застонала:

– Слышь, Греча. Ты на самом деле такой или притворяешься?

– А зачем мне пред тобой притворяться? – облизав ложку, резонно возразил пацан. – Ты седня здесь, а завтра где-нибудь в Новгороде али в Смоленске. Чего притворяться-бояться? Сама притворяйся, ага.

– Может, еще и притворюсь, – огрызнулась пленница. – Тебя не спросила.

– А ты спроси, – на полном серьезе предложил мальчишка. – Может, и присоветую чего. Я ж не дурак, так все говорят, а все – врать не будут. Мне сам Стемид-варяг важные дела поручает... тебя вот стеречь поручил.

– Сейчас как дам в лоб, сторож долбаный! Стережет он, как же...

– Ты не серчай! Просто скажи – чего хочешь узнать-то?

– Ах, чего хочу узнать?! – Женька снова взбеленилась. – А тебе непонятно, что ли? Где я вообще, кто все эти люди кругом?!

– Так я ж и говорю – в Ладогеты. Варяги сей град еще Альдейгьюборгом зовут, а весяне – Альдейгой. Тут все и живаху – и варяги, и весь, и кривичи даже. И словене. Я вот – из словен, а Стемид – варяг, у Довмысла-воеводы на службе.

Принесенный парнишкой квас оказался вкусным, хлебным, с этакой приятной кислинкой, и – похоже – хмельным. В голове у пленницы резко захорошело, даже звон в ухе прошел.

– Ты на меня не обижайся, Гречка. Давай лучше песни петь.

– Давай! – обрадовался парнишка. – Я много знаю. Можно игрище затеять – кто кого перепоеет!

– Кто кого перепоеет, говоришь? А запросто! – Тяка азартно кивнула и пригладила руками волосы. – Давай!

– На щелбаны петь будем или на раздевание? – деловито поинтересовался пацан. – Если на щелбаны, то, чур, по затылку не бить – я им недавно о притолочину треснулся.

– Оно и видно! – Опустив веки, Женька покусала губу и тихо промолвила: – На раздевания, говоришь... А я тебе как, нравлюсь? Ну, красивая я?

С лукавой улыбкой хитрая девушка поднялась с лавки и чуть приподняла свитер, обнажив пупок:

– Красива ль? Стройна ли?

– Красна, красна!!! – икнув, облизнулся отрок. – Кабы богат был, такую б, как ты, в жены бы взял... ну или рабу бы купил синеокою. Куплю ишшо. Или женюсь. Скоро.

- Ишь, купит он... Лучше женись, чудо! Вот что я тебе скажу. - Тяка спрятала улыбку. - Коли я проиграю - разденусь вся, а коли ты...

- И язм тоже разденусь!

- Нет уж, ненадобно мне такого счастья. Если проиграешь - мобильник мне принесешь, понял, да?

- Все, что скажешь, принесу, хоть звезду с неба!

- Ну, вот и договорились. Ну, давай, начинай.

Дождик, дождь,

На бабкину рожь,

На дедову пшеницу,

На девкин лен

Поливай ведром!

- Ну и песня! - восхитилась Женька. - Прямо рэп какой-то, особенно вот это - на дев-кин лен поли-вай вед-ром! Здорово! Я про дождь тоже знаю... ммм... не попутать бы слова... а, все равно:

Дождь! Светлой пеленой наполнен воздух,

Летний дождь...

Следующую песню Гречко затянул про девчонок - сексуальную:

Пойдем, девочки,

Завивать веночки,

Завьем веночки,

Завьем зеленые...

Женька в ответ:

Что такое осень – это небо...

А паренек:

Мы идем, идем к березе,

Мы идем, идем к березе,

Ты не радуйся, зелен дуб,

Ты не радуйся, зелен дуб!

Эта песня Тяке понравилась – мотивом рок-н-ролл напоминала, веселая!
Девушка даже кедом в такт притоптывала, подпевала:

Ты не радуйся, зелен дуб!

Не услышали, как по крыльцу прогремел сапогами Стемид, заглянул в горницу:

– Веселитесь?

И нельзя сказать, чтоб со злобой сказал, нет, вполне обычным тоном, однако Гречко сразу осекся, с лавки вскочил, да бочком-бочком – к двери. Тут бы и выскочить – да нет, не успел – оп! Стемид ловко руку вытянул, да за шиворот – хватать!

– Скажи там, пусть носилки готовят, да поживее!

– Скажу, господине...

– Так беги! А ты, – варяг перевел взгляд на узницу. – Поедем сейчас в одно место. От того, как там себя поведешь, жизнь твоя зависит, смекай. Собираться тебе нечего, одежды путней нет, так что пошли, неча сидети. Мыслю, носилки да вои нас уже дожидаются... а нет, так велю Гречку-прощелыгу выпороть, да так, чтоб сидеть не мог! Песни петь – пой, но и дело делай.

С кондовой правдой сих слов девушка не могла не согласиться, впрочем, никто ее и не спрашивал.

Во дворе уже дожидались носилки, настоящий паланкин, с резными позолоченными ручками и закутанной полупрозрачной тканью кабинкой-кибиткой, с четырьмя дюжими молодцами носильщиками, русобородыми, в синих с вышивкою рубахах, в этих вот кожаных полусапогах-полулаптях, какие тут почти все носили.

– Ромейские! – кивнув на носилки, похвастал Стемид. – Залазь.

Женька юркнула в кибитку, паланкин тут же подняли, понесли. Прикольно оказалось ехать, мягко, плавно и... как в лимузине с затемненными стеклами – ты всех видишь, а тебя – никто.

Вся извертелась пленница, на город, на прохожих смотрела, на воинов с копьями, что позади да впереди за варягом молодым шли. Дивилась, восхищалась искренне – ну надо же! Избы бревенчатые, хоромы, частоколы, стена – крепость – каменная – а какие костюмы у иных! Любая телегламурка обзавидуется. Такие ткани в магазине днем с огнем не найдешь. Сколько труда во все, сколько денег вложено.

А этот Стемид – или как там его по-настоящему – тип напрочь криминальный. Наверное, про нож не шутил. Угрожает, блин, козлиная. Интересно, где второй, старый – Довмысл. Воевода чертов!

Мимо пробежали какие-то люди в плащах и без плащей, просто в длинных рубахах, пару раз кортеж обогнали всадники, что-то весело крикнули Стемиду – наверное, знакомые. Женька, наверное, сейчас сильно удивилась бы, если б из-за угла показался автомобиль или автобус, или хотя бы просто человек в пиджаке или джинсах... хорошо б – с прижатым к уху мобильником.

Мечты, мечты... С другой стороны – а ведь почти привыкла уже.

Улицы, переходя одна в другую, вывели паланкин на торговую площадь, Женька ее уже видела и посматривала по сторонам уже без прежнего любопытства – подумаешь, шляются тут всякие, орут, друг на друга наезжают, делают вид, что торгуются.

Зевнув, пленница устроилась поудобнее... и вдруг услышала дикий истошный крик, раздавшийся откуда-то слева. И столько было в этом крике ужаса, безнадеги и боли, что не только Женька высунула голову – Стемид и сам замедлил шаг, а следом за ним – и вся процессия.

Картина, открывшаяся вдруг Летякиной, не лезла ни в какие рамки, ни в более-менее приличные, ни в неприличные – вообще, по ее мнению, находилась где-то за гранью!

К вкопанному в землю столбу была привязана обнаженная девчонка. Совсем еще юная, младше Женьки, она обнимала столб руками, связанными грубой веревкою, бледное лицо ее искривилось от нестерпимой боли, голая спина была вся покрыта кровью. Рядом – переговариваясь и смеясь! – кругом стояли зеваки, старики, женщины, дети, время от времени давая советы звероватому, по пояс голому мужику, культуристу с большим окровавленным кнутовищем в правой руке.

– Эй, Лютоня! Раньше времени не забей.

– Поучи жену щи варить, – незлобиво прищурившись, культурист поднял кнут... и с протяжным свистом опустил – ожег!!! – на спину несчастной.

Брызнули по сторонам кровавые брызги... девушка дернулась, закричала. Притвориться так было бы невозможно...

– Это что... это взаправду, что ли? – захлопала ресницами Женя.

– Воровка, раба, – обернувшись, как ни в чем не бывало пояснил Стемид. – Хозяева за татьбу на правезь выдали. Теперь насмерть забьют.

– Как – насмерть?

– А вот так! Воровать-то – последнее дело.

Глава 3. Май – июнь. Ладога – Новгород. Второе потрясение Женьки

До глубины души потрясенная увиденным, Женька и не заметила, как вся процессия вышла на окраину города и, миновав поспешно отворенные стражей ворота, оказалась за крепостной стеной, в предградьи. Там уже не было прямых улиц – строились как хотели, закоулками, россыпью самых убогих хижин. Кругом была несусветная грязь, лужи, даже на лошади не проехать, пробраться можно было только пешком, осторожно ступая по брошенным в грязищу камням и плашкам.

Большую, крытую соломою хижину, к которой свернул Стемид, окружал высокий плетень, удерживающие ворота кольца были увенчаны скалящимися человеческими черепами, такие же мертвые головы украшали и концы поддерживающих крышу лаг, так называемые «курицы». Вся эта мертвечина неожиданно вызвала у Женьки улыбку – больно уж похоже на избушку Бабы-яги из старых детских фильмов. Носильщик же и сопровождавшие процессию воины, наоборот, взирали вокруг с явным страхом и что-то про себя шептали – видно, молились. Правда, почему-то не крестились, нет... ах, ну да – они же язычников изображают, не христиан.

– Урмана! – потоптавшись у невысокого крыльца, негромко позвал Стемид. – Я привел.

Изнутри что-то пробормотали, Летякина точно не разобрала – что: то ли входи, то ли вводи.

– Вылазь, – обернувшись к носилкам, варяг махнул рукой. – Приехали. В дом заходи да не забудь поклониться хозяйке.

Висевшая на ременных петлях узкая дверь отворилась беззвучно, изнутри пахло каким-то пряным запахом, настолько резким, что Женька невольно закашлялась. И хорошо, что закашлялась – не расхохоталась, смех-то распирал девчонку уже с первых минут.

Баба-яга! Ну, точно! Худящая седая старуха со сморщенным желтым лицом и большим – крючком – носом словно сошла с картинок, коими ушлые художники иллюстрируют книжки ужасов для малышей, типа «Ивана Царевича», «Жихарки» и прочих, памятных Летякиной еще с раннего детства. Именно в таком вот карикатурном виде ужасную Бабу-ягу и изображали: худая, крючконосая, с

темными, глубоко посаженными глазами и костлявыми руками-лапами, только что без когтей.

- Ну, заходи, дева, - прищурившись, проскрипела старуха. - Ты же, Стемиде, со людищи своим подожди здесь, во дворе.

- Мы можем и в другом месте подождать. - Стемид поспешно отошел к воинам. - Где-нибудь рядом, на бережку.

- Ваше дело, - равнодушно бросила «Баба-яга». - Даже лучше - мешать не будете. Как все сделаю - кликну.

Сказав так, она перевела взгляд на Женьку и, осклабившись, поманила девчонку пальцами:

- Иди ж!

- Темновато тут, - едва не ударившись лбом о низкую притолочину, Тяка невольно поклонилась и, не выдержав, засмеялась. - Здравствуй, бабушка Яга! Не ешь меня, я тебе пригожуся.

- С чего ты взяла, что я тебя есть буду? - удивленно прошипела хозяйка избы. - И не приходишься ты мне ничем, девка, - увезут, уедешь. На сундук, вон, присядь.

Посреди горницы, напротив узенького оконца, стоял большой сундук, окованный узкими железными полосками; по бокам тянулись лавки, а все стены были увешаны коровьими черепами, какими-то костяшками и пучками сушеных трав. В углу жарко пылал очаг, над которым в большом котле булькало какое-то варево - от варева-то и пахло...

- Одежку мужеску сыми!

- Ну уж нет! - Женька резко дернулась. - С чего тут я голой-то сидеть буду? Иль и впрямь есть меня собралась, бабушка Яга? Так я невкусная.

– Да не буду я тебя есть, сколько раз говорить-то?! – «Баба-яга» обиженно поджала тонкие пересохшие губы и недобро прищурилась. – Смотрю, девка, нет в тебе ни уваженья, ни страха. Непонятно сие.

– А чего мне тебя бояться-то? – усмехнулась пленница. – Ты что, бабушка, страшная? Так не страшней Фредди Крюгера, особо-то себе не льсти. Черепа эти дурацкие, травки... как в мультике все. Ну, что смотришь-то? Говори, чего от меня надобно?

Образ выставленной «на правез» девушки колоритная ведьма перебила почти напрочь, правда, неприятный осадок от увиденного на рынке у Женьки все же оставался. И над этим она еще толком не думала.

– Ой, не спеши, дева. – Старуха махнула рукой. – Узнаешь все, узнаешь. Одежку, сказала, сыми! Аль мне слуг кликнуть?

– Да ладно, сниму, коли просишь.

Тяка покусала губы. Старая вполне могла кого-то позвать, да хоть того же Стемида со своими придурками. Так уж лучше самой, чтоб дураков не тешить. Что там в карманах-то? Зажигалка... сигареты... пригодятся, пусть тут, на сундуке, полежат.

– Ну? – Скинув кеды, свитер и джинсы, девушка протянула их бабке. – Куда положить-то?

– Сюда давай.

Старуха взяла двумя пальцами джинсы, скорчив при этом такую гримасу, будто бы схватила змею. Взяла, повернулась к очагу...

– Эй, эй! – дернулась Женька. – Ты что творишь-то, эй!

Поздно! Баба-яга резко швырнула джинсы в огонь, что-то про себя приговаривая... туда же полетели свитер и кеды...

– Ну, ты даешь, старая! – всерьез рассердилась пленница. – И что мне теперь, голой ходить, что ли?

– Сядь! – обернувшись, старуха злобно сверкнула глазами и махнула рукой...

От этого жеста Женьку отбросило на сундук... прямо швырнуло! Д-а-а... если каждый раз так – вся попа в синяках будет.

– Ох, дочь, – склонившись над девушкой, ведьма сухо поджала губы. – Снова молвлю: не вижу в тебе ни страха, ни уважения... одно глумство! Верно, я сразу все про тебя поняла...

– И что же ты поняла, интересно?

– Чужая ты! – сверкнула глазами старуха. – Совсем чужая. Не изгой – хуже. Из далекого далека явилась. Нет у тебя здесь никого. Пришла ниоткуда, уйдешь в никуда.

– Ой, ой, как интересно!

– Не глумись! – Баба-яга стукнула Женьку по лбу, вроде бы и не сильно, но голова загудела, будто котел, а руки и язык вдруг сделались ватными. – И слушай меня, коли еще хоть маленько пожить хочешь. В глаза мне посмотри... так... теперь на-ко, выпей...

Повернувшись к очагу, ведьма зачерпнула варево большим корцом и поднесла к Женькиному рту.

Девчонка дернулась:

– Горячо же!

– Пей, говорю!

И снова ожгла взглядом, и Женька покорно сделала долгий глоток... Не таким уж и гнусным оказалось варево, даже, скорее, приятным – по вкусу чем-то напоминало глинтвейн.

– Все-то не пей, эй! – поспешно отбирая корец, спохватилась старуха. – Смотрю, жадна ты, девка. Ладно... слушай теперь...

Неожиданно подскочив, едва не ударившись головой о потолочную балку, «Баба-яга» сплонула на три стороны и густым пропитым басом запела, точнее, заговорила речитативом, как в рэпе:

– Не огонь горит, не смола кипит, а горит-кипит ретиво сердце... Конь-огонь, норны песни пой, клад зверей морей, злей и злей... Дева сердце раскинь, отвори... Отвори!!!

От этих дурацких слов – а скорей, от выпитого «глинтвейна» – у Женьки в голове замутилось, захорошело, как бывает уж ближе к концу хорошей пьянки, когда уже не хочется болтать о чем ни попадя, а хочется – петь... ну, или закрутить хорошо с парнями.

Глуповатая, не от мира сего, улыбка искривила девичьи уста, перед глазами поплыл светящийся зеленоватый туман...

Привиделись вдруг родной город, река... На плесе – копошились туристы! Свои! Мальчишки-девочки – руководство, опять же. Байды собрали уже, грузились. Женьку, между прочим, в этот поход тоже звали – однако, увы, работа, ларек этот долбанный. А так бы, конечно, здорово – по хорошей-то воде, на скорости, чтоб холодные брызги в лицо – ухх!!! – а потом костерок, песни...

Туристы заметили ее еще издалека. Тренер, Павел Иванович Можников, не старый еще мужик с вечно всклокоченной бородою, чем-то похожий на шкипера пиратского судна, опутив байду в воду, выпрямился, взглянул на подбежавшую девчонку:

– М-да-а... какие люди!

Женька со всеми обнялась, перецеловалась.

Пал-Иваныч, пригладив ладонью бороду, поглядел хитро:

– А мы на Ванч-озеро, в твои места, решили.

– Мои места на Выди, Пал-Ваныч. В верховьях самых, где леса. У меня там бабушка... когда-то жила, царствие ей небесное.

Пал-Ваныч – да все! – звали Тяку с собой. Кто-то даже бросил, смеясь – мол, схватить ее, да в лодку... Потом сама спасибо скажет. Шутили.

Женька бы с удовольствием. Однако ж дела, обстоятельства.

Простившись, туристы отплыли. Вскипела под веслами река. Дул легкий ветер, и смех байдарочников разносился вокруг далеко, весело и звонко. Минут десять стояла Тяка на плесе, смотрела, пока байдарки не скрылись за излучиной, потом вздохнула, шмыгнула носом, прошептала, сама себя утешая:

– Ладно. Ничего. В августе обязательно выберусь. Обязательно!

Над пилорамой, что располагалась почти сразу за плесом, поднимался густой черный дым...

А потом пропало все.

– Эй, эй, очи-то отвори, дева!

Женька пришла в себя оттого, что склонившаяся над ней старуха брызгала ей на лицо холодной водою.

– Скажи, кто ты?

– Я... Малинда, дочь князя всеянского, матушка моя... сестры... братья...

Тяка произнесла это таким голосом, каким говорил мудрый учитель джедаев Йода из бессмертной саги «Звездные войны». И так же смешно переставляла слова...

– А ты, бабуля, будешь кто такая, да?

– Я Урмана, чаровница, а многие зовут – ведьмой.

– Ведьма... не Баба-яга?

– Снова ты меня с кем-то путаешь! Говорю же – Урмана я. А ты, верно – Малинда, князя весянского Таумярга дочка. Вставай-ко... оденься... вот...

Пошатываясь, словно пьяная, Женька покорно натянула на себя длинную, ниже колен, льняную рубашку, а сверху – еще длиннее – платье из тонкой шерсти, очень красивое, синее, с золотистой вышивкой по вороту, рукавам и подолу.

– Вот те пояс...

Поясок тоже оказался красивым – из настоящей тонко выделанной кожи с блестящими желтыми бляшками.

– Постоны вот... обуйся. И вещи свои заведи... я вот связала их в узелок.

Смешная какая обувь... то ли полусапожки, то ли сандалии. Кожаные, с ремешками... А впору! Как раз по ноге.

– Браслеты теперь... кольца... серьги... все золото, с бирюзой – очам твоим цвет. Ах, волосы-то, жаль, коротковаты, косу не заплести... придется ремешком подвязать... вот тако. Теперь глянься-ко!

Взяв деву за руку, Урмана подвела ее к висевшему на стене отполированному медному листу – вещи цены немалой!

– Посейчас, лучинку возгу... Славная у меня лучинка, из мореной березы, яркая... А ну-кось... вот!

В медном «зеркале» отразилась изысканно-томная царевна из волшебных сказок – синеглазая, с темными локонами, перехваченными тоненьким золоченым ремешком, и красивая до невозможности, прямо не оторвать глаз!

– Ну? – тихо поинтересовалась ведьма. – Чай, сама-то себе глянешься? Ай, вижу, не отошла еще. Ладно, на сундучке пока посиди.

Старуха вышла во двор, ухмыльнулась, сунула два пальца в рот и залихватски свистнула, так, что по всей округе враз залаяли собаки, а сидевшие на росшей невдалеке осине вороны взлетели, каркая и недовольно хлопая крыльями.

– Ну, что, бабушка Урмана? – опасно заглянул во двор Стемид. – Сладила?

– Забирайте вашу княжну!

– Вот и славно. – Варяг живо пригнал во двор носильщиков с паланкином.

Пряча довольную усмешку, Урмана вывела из избы Женьку... впрочем, нет, не Женьку – истинную княжну, надменную красавицу с васильковым взглядом!

– Вижу, платье-то впору пришлось. – Стемид шмыгнул носом и, глянув на Женьку, стеснительно произнес: – Ну, ты это, садись... госпожа.

Красавица не слышала его слов – уставилась в одну точку.

– Чего это с ней, Урмана? Так и будет?

– Отойдет, – спокойно заверила колдунья. – Однако Довмыслу-воеводе скажи – пущай еще пару дюжин монет золотых ромейских прибавит.

– Солидов? – Молодой варяг не отрывал восхищенного взора от Женьки. Впрочем, как и все.

– Солидов, солидов, – покивала Урмана. – Умаялась чаровать! Зато и вышло все как надо. Нечего вам иную искать.

– Это славно... славно, что нечего... эта-то – чудо, как хороша! Ох, Урмана, недаром народ на тебя жалуется – мол, то град накличешь, то дождь на неделю.

– Пустые глупые люди. Сами не знают, что говорят. Так про монеты-то ромейские не забудь, напомни.

– Скажу.

– Так езжайте уже, чего толпитесь?

– погоди, бабка! – повернулся один из воинов. – Дай насмотреться – когда еще такую красоту увидим!

Женька равнодушно уселась в носилки. Кругом все было словно в тумане – какая-то ухмыляющаяся старуха, воины в кольчугах и шлемах... крепостные ворота... заборы и частоколы вокруг...

Вечерело. На опустевшей рыночной площади, у столба, бездомные псы рвали на куски мертвое тело. Девичье.

Стеמיד пригладил бородку:

– Воронка-то отмучилась, видать. На том свете не будет страдать, да поможет ей Фрейя. Все же страшную смерть приняла, не в постели померла.

Пожалел!

Женька вздрогнула, вспомнила – эти кровавые куски – это ж та же самая дева, воронка, раба, которая... которую...

Да уж, выходит, взаправду все... Средневековье!!! Однако что же делать-то?

На дворе усадьбы Женьку встречал Довмысл. Спрятав длинные руки за спину и выпятив вперед живот, он стоял напротив распахнувшихся ворот, прищурил глаза и ухмыляясь. Однако при виде выбравшейся из паланкина красавицы глумливая улыбка его ту же сошла с лица.

– О, боги! Сварог и Сварожичи, внуки Стрибожьи! Это... она?

– Она, она, дядько Довмысл. – Стемид распрямил плечи с таким гордым видом, будто это именно он, и никто другой, приложил руку к чудесному преобразению похожей на отрока чернавки в этакую красу деву, истинную княжну, обликом схожею с солнцем!

– Малинда, – глядя девчонке в глаза, тихо протянул воевода. – Сейчас немного отдохни, дева, да поедем к Хакону-ярлу на пир.

– А кто это – Хакон-ярл? – лениво поинтересовалась красавица.

– Наместник ладожский. Должна бы знати.

– Должна, да не обязана, – огрызнулась Женька, но тут же взяла себя в руки...
вернее, кто-то ее взял... заговоры Урманы – вот кто!

– Навестим Хакона-ярла, что ж. Он сам звал, или мы напрашиваемся?

– Сам, – поспешно – и куда только прежнее-то презрение делось? – кивнул Довмысл.

– Тогда можно, тогда пойдем, – оглянувшись с крыльца, дева махнула рукой. – Мальца вашего, Гречку, пришлите. Пусть кваску принесет.

– Очам своим не верю! – проводив красавицу взглядом, доверительно бросил Стемиду Довмысл. – Была... не знамо кто, а стала... Истинная княжна! Ужо, будет доволен Святослав-князь и наградит нас с тобою щедро! Этакая-то дочь – сам бы женился.

– И я б! – Молодой варяг охотно поддакнул старому воеводе.

Тот ухмыльнулся:

– Ох, Урмана, ох, волхвица – не подвела! На словах что сказала?

– Сказала – нечего другую искать.

- Так и не будем.

- Еще монет ромейских просила подбавить, солидов.

- Ах, Урмана, Урмана, - покачал головой Довмысл. - Хвалится, что боги ей все дают, а от солидов не отказывается. Верно, на тот свет хочет с собой забрати. А сработала славно! Вона какая дева-то стала. И тако понятно всем - княжна, не кто-нить. А что ране ее в портках видали, так то и ясно - тонула, одежду скинула, а уж потом одели во что было, так?

- Так, дядько Довмысле, так.

- Ну, идем, Стемиде. Я чаю, и мы отдохнем чуть.

Дверь в горнице теперь уже никто не запирает, но двух воинов в кольчугах и с короткими копьями для охраны приставили, те гордо стояли у крыльца, никого, кроме молодого отрока Гречки с большим глиняным кувшином, к девице весянской не пропускают. Да никто и не рвался - попробовали бы! - а вот поодаль толпились, вдруг да выйдет на крыльцо красавица - хоть одним глазком поглядеть. Все Гречке завидовали - тот-то прямо в горницу забежал...

Да там и споткнулся, едва кувшин не уронил, хорошо, Женюшка с лавки рванулась, подхватила:

- Ты чего, чудо, падаешь-то? Забегался? Ноги не держат.

Дрожа, паренек повалился навзничь:

- Не вели казнить, госпожа моя, за вольности, за язык глупый, невежливый.

- Ну, вставай уже! - улыбнулась Женюшка. - Кваску попьем, побазарим. Что с тобой сделалось-то? Ведь так хорошо песни пели.

- Госпожа... - Отрок медленно поднялся на ноги. - Ты точно на меня не сердись? Зла-обиды не держишь?

- Да не сержусь, сказала! Кстати, зеркало у вас тут есть?

- Есть, как не быть.

- И свечки бы. Что-то темновато тут.

- Посейчас, госпожа, метнусь.

Не успела Женька выпить и кружки, как Гречко вернулся, притащив свечку и большую овальную пластину из светлого полированного металла... неужели серебряная?

- Вот оно, госпожа моя, зеркало! - Парнишка погладил платину ладонью. - Из немецких, Оттона-кесаря, земель! А вот и свечечка - восковая! Я и огниво прихватил - вжечь?

- Пошел ты со своим огнивом! Давай сюда свечу.

Вытащив из узелка зажигалку - Урмана ни одной вещицы не присвоила, даже сигаретку не взяла да втихаря не выкурила - честная! - Женька щелкнула...

Отрок с воплем повалился на пол:

- Чур меня, чур меня! Матушка, не губи!

- Кончита Вурст тебе матушка! - рассердилась Летякина.

Все наложенное на нее ведьмой Урманой наваждение как-то прошло, то ли колдовство оказалось не очень-то сильным, то ли Женька не по зубам пришлась. С удовлетворением отметив сей важный момент, девушка искоса посмотрела на Гречку:

- Да поднимайся уже. Садись. На вот, кваску хлебни... Пей, пей... Напился? Теперь поддержи зеркало.

Восковая свеча горела ярко и почти без дыма, Женька подошла к зеркалу, глянула... и довольно улыбнулась.

– А что? Вполне. Я думала, будет хуже. Как платье-то, Греча? Нравится?

– Очень, – смущенно признался отрок. – Ты такая красивая, госпожа, глядеть больно!

Неужели эта красавица, фея с синими глазами – я? – думала Женька. Нет, ну надо же! Платье какое... красивое. Тяжеловатое, правда, но в нем не жарко ничуть. А какой поясок! А браслеты, серьги...

– Гречка... а вот это – золото?

– Чистое золото, госпожа моя. А вот эти камушки – бирюза, а эти – смарагды. За один такой браслетик трех красивых рабынь можно выменять!

– Ишь ты, рабынь ему... меняльщик. Вот что, пацан. – Девушка уселась на лавку и вытянула ноги. – Я с тобой по-серьезному поговорить хочу... согласен?

– Конечно! – сглотнул слюну парень. – Чего б не поговорить? Я, если что, – могила. О том, что услышу, – никому, клянусь Мокошью.

– Хм, Мокошью... Еще «честное пионерское» скажи, чудо. Ну, вот чего я хочу спросить-то...

Не успела Женька спросить. Застучали по крыльцу тяжелые постолы.

– Отдохнула, дева-краса? – заглянул в горницу Стемид. – Едем, носилки ждут. Хакон-ярл тебе рад будет.

Хоромы ладожского наместника находились внутри каменной крепости, но выстроены были из дерева и выглядели куда вальяжнее, нежели усадьба Довмысла. Мощные, в два этажа, хоромы на высоких подклетьях, крытые тесом крыши, крутые ступеньки крыльца, сойдя с которого Хакон-ярл встретил невесту своего князя.

– О, поистине, такая краса свойственна только богиням! Как я рад за славного Святослава-конунга!

Наместник произвел на Женьку очень даже неплохое впечатление. Лет сорока, но стройный, подвижный, с небольшой белобрысой бородкою и смешной прической – волосы на висках были заплетены в две косички, бородка же – щегольски расчесана надвое, этакой вилкой. Длинную, с нашитыми шелковыми лентами рубаху ярла покрывал тонкий небесно-голубой плащ, заколотый на правом плече роскошной сверкающей булавкой. Кольца и перстни в избытке, на поясе – кинжал в изукрашенных ножнах. Узкие штаны, кожаные башмаки без обмоток, завязанные на лодыжках и чем-то похожие на обычные мокасины, какие продаются на каждом рынке.

– Вот-вот, сюда, дражайшая дева. – Ярл лично провел Женьку к накрытому для пира столу.

Собравшиеся там люди – «лучшие князьки мужи», как выразился Хакон, при виде «княжьей невесты» поднялись с лавок и, дружно отвесив поклон, поглядели на своего ярла.

Усадив гостью по левую руку (справа сидела какая-то красивая властная дама, по всей видимости, жена или одна из жен), тот махнул рукой:

– Начинайте! Восславим Одина и богов наших друзей – бо Перуна, Свентовита, Велеса.

– Аой! – подняв кубки, хором гаркнули «мужи».

Поглядев на супругу ярла, Женька тоже подняла поставленный перед нею тяжелый, похоже, что серебряный, сосуд, место которому, верно, лучше б было в музее, нежели здесь, на пиру.

Отпила...

– Ромейское вино! – похвастался Хакон.

– Ну да, ромейское, – гостья усмехнулась. – Небось, купили пару коробок да разлили. А вообще, я в вине как-то не особо.

– Я тоже больше брагу люблю! Кстати, как и моя жена... Вот она – Ингигерда.

– Очень приятно. Же... Малинда.

– Ну... выпьем же за Святослава-конунга, великого викинга, сияющего славой воителя мечей, щедрого на кольца вождя!

– Аой!

Опростав полкубка – неудобно было отказываться, да и пить, честно говоря, хотелось, – Тяка пошарила глазами по столу в поисках закуски. Все гости уже чавкали, таская куски из огромных серебряных тазиков – мясо брали просто руками, а потом разрезали ножом, так же хватали и рыбу, а вот каши, кисели да ущицу хлебали – так же из общих посуды – большими деревянными ложками. У каждого была своя, личная, носилась вместе с мечом и кинжалом на поясе, как инструмент ничуть не менее важный.

Юной леди никто ложку не предложил, как-то не подумали. Да и черт с ней! Не очень-то и хотелось с этими чавкающими чертями из одной кастрюли хлебать! Иное дело – рыбка, Женька с большим удовольствием скушала два куса безумно вкусной, запеченной в сливках и яйце форели, закусила пирогом с ревенем, после чего почувствовала себя настолько сытой, что едва не рыгнула. Рыгать тут, похоже, было принято, как и чавкать, и бросать кости откуда-то взявшимся собакам.

Собаки лаяли и дрались, гости после пятого тоста уже никого не слушали, а лишь орали, стараясь перекричать друг друга. Время от времени залу сотрясали раскаты грубого хохота, потом кто-то затянул песню, тут же подхваченную всеми. Шум стоял страшный, и Женьке все никак не удавалось вызвать на откровенный разговор ярла Хакона или хотя бы его жену... или кто там была эта вальяжная дама.

Наместник очень быстро надрался да, пьяно смеясь, все подмигивал гостье, иногда поглаживал руку, правда, приставать не смел, по-видимому, опасаясь крутого нрава супруги, отличавшейся крайне молчаливым нравом, Женька

заметила – как сидела, так еще и не произнесла ни слова. Однако кубки поднимала исправно, пила.

Ну, уж как с ней-то начать разговор, Летякина знала. Перегнулась через упавшего лицом в пирог ярла:

– Я извиняюсь, а где тут у вас туалет?

Супруга наместника удивленно хлопнула ресницами. Поня-а-атно, опьянела уже, чего уж.

– Ну, мне бы во двор...

– Ага! – сообразила женщина. – Идем...

Женька выбралась из-за стола, и Ингигерда, непринужденно взяв ее под руку, куда-то повела, попутно шпыняя попадавших на глаза слуг:

– Пирог с вязигою подавайте, пора уж! И жареных гусей.

Нырнув в небольшую дверь, они оказались на галерейке, идущей вокруг всей хоромины, откуда открывался прекрасный вид на внутренний двор усадьбы. Крыльцо, где толпились вышедшие отдышаться (а заодно и, пардон, поплевать) пирующие, находилось как раз под галереей, внизу отчетливо слышались пьяные голоса стоявших там «лучших мужей».

– А я вот велю слугам загонять вепря прямо с утра!

– Не, клянусь Велесом, на кабанов куда лучше охота.

– Сказал! На кабанов! Еще скажи – на зайцев.

– Кого-кого ты зайцем назвал, рыло?

Внизу послышался шум – возникла свалка, тотчас же растащенная подбежавшими воинами и добрым словом вовремя возникшего на крыльце

Хакона-ярла:

- О, славный витязь Херульф, сын всепобеждающего Рагнара Синий Плащ! И ты, Славута, достойнейший муж, сын славного Вуча Третьятыча! Пристало ли вам ругаться, как мужикам-смердам? Вы что - простолюдины или славные воины, княжьи мужи? На таких, как вы, вся дружина держится... прошу же поскорей поднять кубки друг за друга! Идем же к столу, други. Мы славно воевали, славный нынче и пир! Посейчас музыканты явятся да танцовщицы - волоокие ромейские девы. Идемте же. Что нам тешить коварного Локи, это ведь его происки, я уверен.

- Верно сказал, ярл!

- Вот, поистине, слова достойного мужа!

- Идемте же, братие, поглядим на танцовщиц - так ли они хороши?

- Да-да, идем.

- Славно посидим, клянусь Фрейей!

- Согласен! Велесом клянусь.

- А вы, двое - помиритесь тотчас!

- Да-да, помиритесь, а мы за вас выпьем! Вот это будет славно!

- Ага!

- Я оставлю тебя, госпожа, - услышав про танцовщиц, поспешно засобиралась Ингигерда. - Найдешь ли обратный путь в залу? Вот в эту дверь. Я пошлю слугу...

- Не надо. Не дура - найду.

Женьке и впрямь хорошо было бы освежиться, да и хватит уже пить, тем более такими ведрами. Так и упиться можно!

– Как там наша невеста, славный Довмысл? – снизу, с крыльца, неожиданно прозвучал знакомый голос.

– Держится хорошо. – Воевода одобрительно крякнул. – А уж красна, красна – мнози с нее глаз не сводят. Эх, Стемиде, какую мы девку нашли!

– И князь наш – щедрый на кольца.

– Ужо, воздаст, не думай. За такую-то красу. А в Киеве, как решили, будет. Старуха свой хлеб зря не ест. Нет, ну и девка... в портах-то была – чисто отрок, а ныне – царевна ромейская!

– Об этой царевне, дядько Довмысл, еще кое-кто знает. Те, кто доставал, из реки вытаскивал...

– И кто ж, напомни.

– Так говорил уж. Младые Тимота с Путяткою, гриди...

Довмысл резко повысил голос:

– Так оне еще живы, что ль?

– Сделаем, – с некоторым испугом отозвался варяг. – Может, в походе лучше?

– Не лучше! Там глаз много. Делай здесь, и поскорей, чуешь?

– Здесь так здесь. Есть у меня люди верные, завтра пошлю парней на торг, а там с ними драку затеют, да ножичком... Хоронить по-людски придется, с тризною. Все же – гриди.

– Схоронят. Серебришка на то дам и рабынь подкину, в могилки покласть. Все! Иди, Стемиде, ищи своих людей...

– Да чего их искать-то? Свистнуть только да бусиной поманить.

– Иди, сказано! И не прекословь!

– Слушаюсь, господине.

Из того, что услышала, Женька восприняла только одно – ее знакомых парней, Путятко с Тимотою, эти два психа собираются убить в самое ближайшее время, затеяв фальшивую драку на торгу.

Господи боже... да что тут творится-то? Жаль, не успела переговорить по душам с Гречкой. Да и вообще, сложившуюся ситуацию нужно немедленно по трезвянке обдумать! Давно бы уже... А с Гречкой тянуть нечего... может, он и парней этих, Путятко с Тимотой, знает?

Парней Гречко знал. Более того, даже с ними «дружился» – ходил на рыбную ловлю, на охоту – не ровней, конечно, служкою – принеси – подай – да и то за честь! Он – слуга, полураб, а они – княжьи отроци, гриди.

О том паренек и поведал «князевой невесте», как только та, вернувшись в сопровождении Довмысла и его воинов с пира, призвала в горницу отрока «с квасом».

– Дружишься, значит. – Женька покусала губы и, взяв парня за плечи, прошептала: – Вот что, сегодня же найдешь их и скажешь – пусть бегут куда глаза глядят.

– Бегут? – Отрок непонимающе похлопал глазами и покачал головой. – Они не побегут, они ж гриди, не кто-нибудь!

– Не побегут – убьют их, – устало промолвила девушка. – Так им и передай. Только побыстрее. Сейчас можешь?

– Да могу. – Отрок пожал плечами. – Перед ночной стражей метнуся. Токмо мыслю... мыслю, не поверят они.

– То их дело. Я предупредила, а уж там, как бог даст.

– Какой бог, госпожа? Перун, Велес или Один варяжский?

– Иди уже! – Тяка махнула рукой. – О богах я без тебя подумаю.

Паренек убежал, и княжеская невеста, усевшись на лавку, устало вытянула ноги. Большой – тысяч на пять уж как минимум! – старинный город, ладей – целый флот, казнь... До смерти ту девчонку забили, до смерти, господи-и-и-и...

Страшно было сознавать, что все это – корабли, древняя Ладога, пир – на самом деле реальность. Реальное прошлое, куда каким-то ветром занесло ее, Летякину Женьку. Так ведь и есть – заклинание. Все оно, оно...

Стеמיד заглянул еще засветло, разбудил:

– Вставай, отплываем. Нам за сегодняшний день еще пороги пройти.

– Какие еще пороги? – спросонья пробурчала девчонка.

– Знамо, волховские. Ну, скорей же, дева, давай!

В носилках на этот раз не несли, усадили на лошадь – вот страх-то! Хоть лошадка и оказалась приземистая да на вид смиренная, тем более и ехала-то дева не одна – позади Стемида сидела, а все же боязно – первый раз ведь! Ну как на дыбы встанет «конек-горбунок», так и не удержишься, сбросит.

– Крепче держись! – обернувшись, бросил варяг и, причмокнув губами, пришпорил лошадь.

Поехали. Первым Стеמיד с Женькой, за ними Довмысл в блестящей кольчуге и шлеме, позади – воины с копьями и мечами. И куда так вырядились? Воевать собрались?

До пристани добрались быстро – что тут и ехать-то? – миновали распахнувшиеся при приближении процессии ворота, спустились вниз, к причалу, да, спешившись, направились к покачивающимся на волнах ладьям. Уселись,

Женька, как обычно, в шатре, только вот полог теперь распахнула пошире да смотрела во все глаза. Как взмахнули веслами воины, как закипела вода, как ходко пошли ладьи вверх по течению могучего и широкого Волхова. Впереди разгоралось в сиреневой дымке утро, слева, за сопками, отражаясь в умбонах щитов, блеснуло желтое солнце.

Женька вдруг почувствовала, как сдавило низ живота – кажется, подходили месячные. Этого еще не хватало... хотя, с другой-то стороны, и неплохо, радостно. Значит, в порядке все. Однако сии мелкие неприятности Летякина всегда переносила тяжело, иногда и пластом целый день лежала... Да, а трусов-то тут никаких не дали... тряпку, что ль, у Стемида спросить? Стыдно? Да ну – чего тут стесняться-то? Не в стеснении дело, другое плохо – теперь уж, даже если и случай удобный выпадет, шибко-то не побежишь, не нырнешь рыбкой в воду. Дня два обождать придется, да.

Тряпку девчонка все же спросила, правда, не конкретно у Стемида, просто высунулась из шатра:

– Эй, кто там есть? Тряпицу дайте.

Тряпицу, не говоря ни слова, принес какой-то кряжистый сивобородый мужик в толстой стеганой куртке с нашитыми железными полосами и в шлеме в виде сваренных друг с другом полос.

– Спасибо, – поблагодарила Летякина.

Мужик на то никак не отреагировал, ушел на нос, пробираясь между гребцов. Блестели на солнце кольчуги и шлемы, наконечники копий, умбоны щитов. Копья у всей этой братии были довольно короткие, с листовидными наконечниками, так что, при нужде, можно было не только колоть, но и рубить. Кроме копий, рядом с гребцами лежали мечи, палицы, луки со стрелами и изящно выгнутые боевые топоры – секиры, похожие на узорчатые полумесяцы. Все это было довольно интересно... но Женька вовсе не оружие древнее увидеть надеялась. Все же... а вдруг? Хоть одна б современная вещь! Ну, хоть трактор бы проехал по берегу, моторка бы проплыла, самолет в небе пролетел бы. Или хотя бы провода – столбы – провода, провода – столбы – чего уж проще-то? Так и того не было! Ни-че-го! А ведь уже часа три-четыре плыли, как минимум. Правда, пару раз останавливались – приносили жертвы какому-то Яше-Ящеру! Довмысл лично

отрубил головы белому петуху и утке – смотреть на это было противно, Женька отворачивалась – тоже еще, язычники хреновы!

Принеся жертвы, снова поплыли, пока впереди не послышался какой-то шум – редела вода, пробираясь между камнями? Ну да, Стемид ведь говорил про пороги. Интересно, как они их будут проходить? Просто обнесут ладьи берегом? Или все же решатся – хоть это и непросто, тем более против течения. Правда, если есть у берега какой-нибудь омут, заводь, так можно и попытаться – вода сейчас высокая. С носа что-то прокричали. Воины затарабанили веслами по левому борту, ладья повернула.

Женька выглянула из шатра – нет, шалишь, не пройдешь, везде камни...

– Все перекаты да перекаты, – потянувшись, девчонка вспомнила Городницкого. – Послать бы их по адресу... На это место уж нету карты, идем-бредем по абрису.

Суда быстро причалили к берегу. Невдалеке, у дубравы, виднелось окруженное мощным частоколом селение, а примерно в километре выше по течению – еще парочка, одно за другим, правда, эти были неогороженные.

Из распахнувшихся ворот крепости выбежали воины в кольчугах и с копьями, поклонились Довмыслу, что-то сказали. Воевода обернулся, поведя бровью, и дожидавшиеся в ладьях воины принялись споро выгружать из своих судов вещи – какие-то сундуки, мешки, корзины.

– Волок, – проходя мимо Женьки, пояснил Стемид. – Ты, дева, ближе к реке держися – вдруг да из лесу нападут?

– Нападут?!

Варяг неожиданно улыбнулся, поправив на голове круглый, с очками-забралом, шлем, красивый и видно, что недешевый. Интересно, сам выделывал или по Интернету купил? Наверное, по Интернету.

– Такое тут не раз бывало, выскочат из лесу и... Одно слово, волок! Самое опасное место.

Девушка пожала плечами: понятно, что опасное – кто бы спорил?

– Одначе, ныне, так мыслю, не нападут. Воинов у нас больно уж много, поди, кому надо, заметили. Другую добычу подождут, послабее. Ладно, пойду. – Стемид погладил рукоять висевшего на узкой перевязи меча. – Ты все же держись у реки, за ладьями – мало ли.

– Спасибо за заботу, – хмыкнула ему в спину Летякина, глядя, как вышедшие из-за частокола дюжие мужики тащат короткие бревна, подкладывают под ладьи, перекатывают... Да почти все воины кораблики свои толкали, кроме тех, кто в полном вооружении – щиты, мечи, луки-стрелы, – не отрываясь, следили за угрюмо молчавшим лесом.

– А ну, навались, братцы! – зычно командовал Довмысл.

Стемид – вот ведь шланг! – был с теми, кто у леса. Дозорил! Лишь бы не работать, ага.

Воины надрывались: на берег ладьи лезли тяжело, со скрипом, правда, потом дело пошло лучше – покатали вдоль берега по наезженной, можно сказать, дорожке, только успевай бревна подкладывать, что, однако же, тоже работа не из легких.

Да уж, не из легких... Женька вспомнила, как в таких же вот точно случаях приходилось делать обносы, вытаскивать из байдарки вещи, тащить, затем переносить саму лодку – с мокрой-то байдой намаешься, хоть не так и тяжело, как муторно, нудно. Выгружай, перетаскивай, загружай. Обнос есть обнос – не пошлангуешь... как некоторые.

И все ж дело спорилось – вот головная ладья, миновав пороги, покачиваясь, опустилась в воду. Ее тут же загрузили, расселись по местам гребцы, Довмысл, оглядевшись вокруг, кивнул Женьке – полезай, мол.

Ага, легко сказать – полезай, в таком-то антикварном платье! Сходни-то никто не спускал, пришлось по камешкам прыгать, а потом – и в воду почти по пояс, да к ладье, а уж там протянули руки, вытащили, посмеялись, хорошо, курицей мокрой не обозвали.

Фыркнув, княжья невеста уселась у шатра, без всякого стеснения выжимая подол под одобрительный смех воинов.

Почти выжала уже, да вдруг послышался легкий свист, и перед девушкой, перед самым ее носом, в палубу впились стрела!

– Эй, блин! – Тяка возмущенно выругалась. – Так ведь и убить можно!

А дальше все быстро было... Стрелы вдруг хлынули дождем, пронзая шатер, впиваясь в щиты и палубу! Лучники били с берега, с косогора! Им в ответ швыряли стрелы и копья ратники Довмысла, и сам воевода, покрыв голову шлемом, держал в руке копье. Красивое зрелище, как в кино. Только...

Только рядом с Женькой со стоном повалился навзничь пораженный стрелой в шею воин. Упал, дернулся... и застыл. Быстро блекнувшие глаза его недвижно уставились на девчонку, из раны тонкою струйкой вытекала глянцеви́то-красная кровь.

– А-а-а-а! – отпрянув, закричала Тяка. – Мама!

Подбежавший кормщик стукнул ее по шее и швырнул к борту ладьи:

– Тут, за щитами, прячься! И не высывайся, смотри.

Сразу три стрелы впились в червленое поле висевшего перед девчонкой щита. Летякина поспешно пригнулась.

Довмысл между тем взмахнул рукою. Запел рог, и воины, подняв над головой копья и палицы, мечи и секиры, с громкими криками побежали к лесу. Им навстречу выбежали точно такие же вопящие неандертальцы, только экипированные куда хуже – редко у кого сверкала кольчуга, да и мечей имелось куда меньше, в основном – тяжелые топоры на длинных ручках, дубины.

Две рати столкнулись, началась схватка, впрочем, перевес сил был явно на стороне Довмысловых воинов, вражины же, как видно, вовсе не собирались нападать на все войско, а попытались лишь увести головную ладью – захватить,

отплыть подальше да быстро разграбить. Потому и сразу не напали, выжидали, когда загрузят.

Сеча на берегу разгоралась, там уже были и Стемид, и Довмысл, и почти все воины – в ладье осталась лишь дюжина гребцов... и три неподвижно лежавших тела, пронзенные черными стрелами.

Женька покосилась на них и закусила губу – ну, вот... Чего ж еще больше надо? Еще раз вспомнить... Какой там у них князь – Святослав? Тот, которого печенеги... Значит, век точно – десятый.

Во главе нападавших был здоровущий рыжебородый мужчина в круглом «варяжском» шлеме и без щита. Сверкающая кольчуга, пояс с кинжалом и мечом, а в руках – огромная двуручная секира, играющая в могучих дланях здоровяка, словно детский топорик. Страшное свое оружие главарь опускал на головы дружинников с таким сладострастным хэканьем, что Тяку едва не вырвало. Словно бы мясо рубил... но делал это с любовью.

Удар! Еще удар! И вот уже один из воинов Довмысла – совсем молодой мальчик – свалился, разрубленный до пояса надвое. Прямо от плеча! Не помог и кожаный, с металлическими полосками, панцирь, видать, худоват, либо силища у рыжебородого оказалась немеряной!

Х-хэк!!! И противный треск костей... и красные брызги... и кипящая от крови река!

Вот еще двое довысловых парней ринулись на здоровяка... Один на бегу неловко подвернул ногу, упал... Другой же попытался достать врага коротким копьем... наверное, и достал бы, коли б рыжебородый не был столь ловок. Увернулся, чуть присел, пружиня ногами... Блеснула секира... Подпрыгивая, покатила по берегу срубленная с плеч голова. А вот тело несчастного не сразу поняло, что его уже обезглавили, убили – и еще какое-то время жило. Пробежало шагов пять, фонтанируя кровью, и, нелепо взмахнув руками, повалилось в траву.

Женьку вырвало...

– Хо-го-гой!!! – размахивая окровавленным топором, громко заорал вражина. – Аой!

И снова перед ним вырос воин, поставив под удар круглый червлёный щит с блестящим умбоном. Стемид!

А он вовсе не трус, оказывается, и не только с девчонками умеет воевать...

Молодой варяг принял удар на щит, верхней, окованной железной полоскою кромкой. О, Стемид прекрасно знал, что делал – страшное орудие рыжебородого, дойдя до умбона, застряло в щите... И острие меча викинга пронзило здоровяку горло!

Враг захрипел, вращая глазами с каким-то детским немым изумлением, как видно, никак не мог поверить в то, что и его могут убить. Мало того – уже убили! Вот так!

И снова запел рог, и лишённые своего главаря нападавшие озадаченно попятились. Было такое впечатление, будто у них только что отняли знамя. Воодушевленная гибелью предводителя врагов дружина Довмысла ринулась в наступление. Звенели мечи, пели стрелы, падали в реку окровавленные тела.

Схватка закончилась так же быстро, как и началась. Побеждённые разбойники, оставив в траве убитых, поспешно скрылись в лесу. Вытирая об траву окровавленные мечи, вернулись на ладьи воины, правда, значительная часть их во главе со Стемидом все же осталась на берегу, охранять дюжих парней, что тащили остальные ладьи, обходя ревушие страшным ревом пороги.

Да уж хороши! – Летякина, как бывалый турист, заценила окутанные пенным туманом камни. А на байдарках пройти в принципе можно – тут вон, в стремнину нырнуть, а потом резко влево. Воды много, течение сильное – вытянет.

Господи... о чем она думает-то? Ведь тут... Тут – убийство, и не одно, да еще – с особой жестокостью – дубинами, стрелами, мечами...

Девушку замутило и снова вырвало горько зеленой желчью.

– Ничо, ничо, дочь, – погладил ее по спине седобородый кормщик. – Тако и с воинами младыми бывает. Эй, Корятко! – Он обернулся и махнул рукою гребцам. – А ну, принеси квасу.

Расторопный малый, белобрысый, в кожаном, с нашитыми бляшками панцире, притащил княжьей невесте кувшин, подал с поклоном.

Женька напилась, поблагодарила... Потом, вдруг вспомнив что-то важное, негромко спросила:

– А тут знакомые мои парни были – Путятко с Тимою. Что-то ныне не вижу.

– Плохо с твоими знакомцами дело, – ловко перекладывая широкое рулевое весло, грустно отозвался кормщик. – Славные были парни, да вот, видать, оставили их своими заботами боги. Затеялась на вымоле драка, там и сгибли оба. Ткнули ножами, теперь уж и не разберешь, кто. Одначе на ладожан – вира. Они и тризну справят, и страву поклялися устроить, и на тот свет погибшим молодых рабынь дати. Так что все как надо будет, помянут робят добром – слово Хакона-ярла крепкое, то все знают.

– Убили? – Женька закусила губу.

Так вот, значит, как, значит, зря посылала Гречку. Эх, надо было самой идти, ей-то поверили бы... Впрочем, а может – и нет. Кому веры больше – родным отцам-командирам-начальникам или какой-то приبلудной девке, про которую они точно знают, что никакая не княжна, приبلуда.

Потрясенная, Женька замкнулась, забила в шатер и остальную часть пути – вечер, ночь и еще день – провела в ладье молча. Снова были пороги, правда, не такие грозные, как тот, первый, и ладьи уже не тащили волоком – проводили на веревках, пользуясь высокой водой.

А на второй день пути на реке показался город. Он был огромный... ну, пусть не огромный, но очень большой, примерно как два Крутогорских микрорайона, и раскинулся на обоих берегах, кстати, довольно болотистых. Ограждавшие город высокие земляные валы увенчивали грозные, сложенные из толстых бревен стены с башнями, у пристани покачивалась, пожалуй, добрая сотня (!) судов, и не просто ладей, а настоящих кораблей, крутобоких пузатых красавцев с

помостами и высоко задранными носами. И как только их умудрились протащить волоком? Впрочем, не такие уж они и большие. Совсем не большие, разве что по сравнению с ладейками или рыбацкими челнами, во множестве снующими по реке.

На берегу толпился народ, стояли какие-то прилавки с товарами, а воины на крайнем причале, узнав ладьи, приветственно махали руками. Довмысл тоже помахал в ответ. Что-то крикнул... Запел рог, и три ладейки проворно повернули к берегу, оставшаяся же, четвертая, пошла следом за головным судном.

- Новагород! - прищелкнул языком кормщик.

- А нам что же, не туда?

- Нам в Хольмгард, чуть дальше.

Хольмгард - город на холме... Еще один Новгород?

Женька щурилась, закрываясь рукою от солнца, и недоуменно качала головою - чего-то явно не хватало в сей идиллической картине богатого и многолюдного средневекового города... девушка быстро поняла - чего! Церквей! Белокаменных храмов с пылающими сусальным золотом куполами, изысканных деревянных шатров, увенчанных крестами, высоких, рвущихся к небу колоколен... Ничего этого не было. Не благовестили к обедне, не собирався на многочисленных папертях чинный люд, и малиновый колокольный звон не плыл, разливаясь, над широкой рекою.

Ну, конечно, не плыл! Русь-то еще, похоже, не христианская! Святослав, он ведь до Владимира Святого был... или - после? Нет, до. Точно - до! Кажется... Раз уж здесь церквей нету.

Две Довмысловы ладьи рассекали носами воду, вскоре, километра через два, по левому борту, на круче, показалось селение, обнесенное мощными дубовыми стенами, выглядевшими ничуть не менее грозно, чем в Новгороде, а пожалуй, что и более. Над высокой башней хором колыхался на ветру синий стяг с черным изображением ворона, чуть подальше висел второй - алый с золотой двухзубою

вилкой.

Подойдя к берегу, суда нырнули в неширокий залив. Зажатый между плоским мысом и холмом с крепостью заливчик являл собой удобную гавань – у пристани покачивались с десятков ладей, на мысу, у каких-то приземистых сараев, деловито конопатили большую, перевернутую днищем вверх лодку, рядом живописно висели развешенные то ли для починки, то ли для просушки рыбачьи сети, а чуть поодаль на покрытом молодой зеленой травкой лугу паслось стадо разномастных буренушек – пятнистых черно-белых и буровато-рыжих. Белоголовые пастушки, усевшись у самой реки под ивами, жалостливо дудели в свирельки – словно бы перекликивались – ту-ту – ту-ту – ту-у... Пастораль!

На другой стороне залива, у подножья холма, располагалась группа каких-то невысоких глиняных сооружений, от которых тянуло вкуснейшим запахом только что испеченного хлеба. Настолько сильно тянуло, что у Женьки потекли слюни. Впрочем, не только у нее одной.

– Пекут! – сглотнув набежавшую слюну, повел длинным носом Стемид.

– Пекут, – согласился кормщик. – Ужо, поедим свеженького!

По широкой деревянной лестнице, по мосткам, гости поднялись к радушно распахнутым воротам, у которых, сидя на белом коне, их поджидал местный воевода или сам князь, бог уж ведает, кем был этот осанистый широкоплечий мужчина с сивой, заплетенной в две косички бородой. Узкий темно-синий кафтан с драгоценными пуговицами, длинная, с вышивкою, рубаха, меч, темно-голубой, с желтоватым подбоем, плащ, заколотый на левом плече золотой, с цветными эмальями, фибулой в виде головы какого-то дивного зверя. Князь! Как есть князь! Настоящий викинг! Позади, с любопытством поглядывая на Женьку, толпились воины, сверкая кольчугами, словно рыбыны чешуей.

– Приветствую тебя, славный Хирульф, сын Эйнара Могучие Руки, – подойдя, поклонился Довмысл. – Пусть будут благословенны к тебе боги.

– И я рад, что боги милостивы к тебе, славный Довмысл-хевдинг. Вижу, вы привезете конунгу красивую и достойную невесту!

Спешившись, Хирульф обнялся с Довмыслом и вежливо поклонился деде.

Та тоже отвесила поклон – раз уж тут так было принято.

– Прошу отобедать, а завтра устроим ристалища в честь благосклонных богов!

– Боюсь, что не устроим, славный Хирульф-ярл. – Воевода картинно развел руками. – Неотложные дела велят мне как можно скорее плыть к своему князю.

Викинг громко расхохотался:

– Да-а, с такой-то красавицей поспешать надо! Смотри, как бы не проведал о ней злоковарный Локи, не позавидовал бы!

– Не проведает, – нахмурился Довмысл. – О том молим богов денно и ночью.

Лично ведомые Хирульфом, высокие гости вошли на просторный двор и поднялись по крыльцу в хоромы – точно такие же, связанные друг с другом срубы, какие Женька наблюдала и в Ладоге. Как и в Ладоге, княжьей невесте предоставили отдельную горницу с чисто выскобленным полом, большим светлым окном из вставленной в свинцовый переплетец слюды и овальным серебряным зеркалом.

– Отдыхай, краса дева. Коли помыться с дороги желаешь – воду нагреем, девку-рабыню пришлем.

Помыться было бы и неплохо, тем более месячные уже прошли, и Летякина с радостью закивала:

– Да-да, пришлите, помоюсь.

– А потом милости прошу на пир!

Рабыни – три молчаливые девушки, босые, в длинных вышитых платьях, наверное, Женькины ровесницы или чуть младше – поставили посередине горницы большую кадку да деревянными ведрами натаскали теплой водицы, по всей видимости, оставшейся после вчерашней бани... или по новой уже затопить успели, гостя не спрашивала, спросила другое, про ярла Хирульфа – кто, мол, такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/posnyakov_andrey/nevesta-iz-niotkuda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)